

[Polaris]

НАСЛЕДСТВО

КАПИТАНА НЕМО

Затерянные миры

Том XI

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

LXXIII

Salamandra P.V.V.

НАСЛЕДСТВО КАПИТАНА НЕМО

Затерянные миры

Том XI

Salamandra P.V.V.

Каротти А., Случевский К. К.

Наследство капитана Немо (Затерянные миры. Том. XI).
— Б. м.: Salamandra P.V.V., 2015. — 138 с., илл. — (Polaris:
Путешествия, приключения, фантастика. Вып. LXXIII).

Герои романа итальянского писателя А. Каротти «Наследство капитана Немо», спасаясь от преследователей в угольных копиях Южной Африки, попадают в небывалый подземный мир, где обитают доисторические животные и... член экипажа капитана Немо. В рассказе русского поэта и писателя К. Случевского «Капитан Немо в России» сам знаменитый капитан «Наутилуса» знакомится на северном острове со странным изобретателем. В качестве приложения в книгу включен научно-фантастический рассказ А. Каротти «Нова».

Артуго Каротти

НАСЛЕДСТВО КАПИТАНА НЕМО

I.

НЕЧТО ТАИНСТВЕННОЕ

Невесело мне было в сорок лет оставлять родину, старушку мать и сестру и отправляться в дальние страны искать счастья.

Но в Ливорно, моем родном городе, мне нечего было делать. Заводы останавливались один за другим, тяжелый промышленный кризис каждый день выбрасывал на улицу сотни безработных. Ни технические знания мои, ни крепкие руки — а я был одним из самых сильных людей в городе — никому не были нужны. Ничего хорошего ждать не приходилось, и я решил эмигрировать.

Мне подвернулся как раз агент, вербовавший большую партию рабочих для отправки в Южную Африку. Недавняя война англичан с бурами унесла большую часть туземного населения, и страна очень нуждалась в рабочих руках.

Сборным пунктом была Генуя, и я, попрощавшись с сестрой и матерью (отца у меня не было — он пропал без вести, когда мне шел второй год), отправился туда с тридцатью другими эмигрантами, собравшимися со всех концов Италии. В два дня я перезнакомился со всеми и подружился со славным шестнадцатилетним парнем родом из Флоренции. У него было лицо, похожее на кошачью мордочку, очень живые глаза и рот, который ни на минуту не закрывался. Он назвал мне свое имя — Луиджи, или Джиджетто, Бай, а я ему сказал мое — Николо Галли.

В Генуе мы погрузились на английский пароход «Черноголовый», на борту которого было уже немало таких же безработных, как и мы. «Черноголовый» снялся с якоря и пошел на всех ларах на Гибралтар и Капскую Землю.

Нас высадили в Капштадте; там продержали нас целый месяц, обещая каждый день, что завтра отправят на работу. Потом нас отвезли в Порт-Элизабет, где та же история тянулась около двадцати дней; наконец нас разбили на

группы, и меня с Джиджетто отправили в Дурбан, а оттуда — в Ньюкэстльские каменноугольные копи в горах Наталя. В Порт-Элизабет мы познакомились — этому знакомству суждено было стать впоследствии самой горячей дружбой — с тремя безработными: французом из Сент-Этьенна по имени Марсель Уберт, бургским инженером, Карлом Марицем и еще одним буром, Питером Вандозлем из Миддльбурга. Все трое принимали участие в войне с англичанами, были взяты в плен и отправлены на остров Святой Елены; только после того, как были уничтожены обе республики буров, они получили возможность вернуться в Южную Африку. Уберт и Мариц, давнишние друзья, работавшие до войны на золотых копиях Иоганнесбурга, нашли свои места занятыми, а Вандозль, вернувшись в факторию, где служил прежде, услышал от хозяина, что тот совершенно разорен, должен собраться с деньгами и не сможет приступить к работам раньше, чем через полгода. Питер Вандозль решил, что его желудок не выдержит такого долгого поста, распрощался со стариком и отправился на Иоганнесбургские копи.

Там он встретил Марселя и инженера Марица, которые были в таком же положении. Они отправились вместе в Штромберг, работы — никакой! Оттуда — в Порт-Элизабет, из Порт-Элизабет — вместе с нами уже — в Дурбан и в Ньюкэстльские копи.

Мы решили работать вместе; Марсель, старый сент-этьеннский шахтер, самый опытный из нас, объявил, что он будет забойщиком; Питер Вандозль, Карл Мариц и я стали его подручными, а Джиджетто взялся катать груженные углем вагонетки.

Распределив работу таким образом, 25 апреля мы впервые уселись в бадю и опустились в глубину шахты — на триста двадцать пять метров ниже поверхности земли.

Несколько сот тысяч лет назад, там, где теперь лежит Южная Африка, было море. Из моря поднялась громадная гранитная глыба. Она подымалась все выше и выше над водой, пока не раскололась по длине; западная часть ее осталась над водой, а восточная опустилась в глубину. Оставшаяся часть гранитной глыбы поката — она подымается постепенно от низменностей реки Хигапа, правого притока Оранжевой реки, до высот Штромбергена и Драконовых гор. Дожди, солнце, снега и ветры раздробили, выветрили гранитные массы и разнесли их далеко на запад и на восток. На свеженанесенных почвах поднялась могучая растительность каменноугольного периода. Но новые слои песка засыпали и погребли заросли громадных деревьев; и новые леса поднялись над ними; так, век за веком, песчинка за песчинкой, создавалась та страна, что мы теперь называем Южной Африкой.

Ньюкэстльские копи разрабатывали самый древний, наиболее глуболежащий пласт каменного угля; и многие из галерей, особенно западных, были заброшены, потому что в них уже нечего было делать; одну из них, самую глубокую, довели почти до гранитного костяка горы.

Итак, мы спустились в глубину шахты. После долгого томительного бездействия мы с радостью принялись за работу. Работа у нас спорилась и день ото дня шла лучше. Одно было тяжело: шахтеры, по большей части англичане, непрерывно издевались над бурами, Марицем и Вандоэлем, и над нами, их товарищами. Однажды, после долгих нападок и вызовов, Питер Вандоэль потерял терпение: повернулся и сшиб наземь кулаком надоедавшего ему англичанина.

Мы работали в самой глубине шахты, в восточной галерее, которая подымалась кверху, следуя изгибам угольного пласта; на юго-запад бежала, с небольшим уклоном, заброшенная галерея, о которой я недавно говорил.

В шахте было, вместе с нами, четыре забойщика, семь подручных и пять рабочих у вагонеток.

Едва кулак Вандоэля опустился, едва англичанин коснулся земли, как все они бросились на нас. Их было боль-

ше, но мы были сильны и ловки и, главное, чувствовали свою правоту — а это много значит.

Я как сейчас вижу этого черта Джиджетто — Котенка, как мы его звали! Как он дрался сразу с тремя англичанами, прыгая во все стороны! Мы тоже не стояли без дела. Вдруг я услышал крик. Уберт, прижатый к стене четырьмя дюжими англичанами, поднял кирку и расколол череп одному из них. Англичане в один миг выхватили револьверы, и нам пришлось сделать то же; началась перестрелка; наше положение было лучше, потому что мы укрылись за двумя вагонетками с углем; англичане убежали, обещая отомстить нам сторицей.

Мы остались одни, и Питер Вандоэль первый прервал молчание:

— Они вернутся толпой. Они убьют нас всех.

Нам нужно было бежать. Мы схватили фонари, кирки, веревки и вслед за Марицем бросились к выходу. Мы взглянули вверх.

— Мы в западне, — закричал Мариц. — Они спускаются!

Действительно, черная тень, окруженная блеснами фонарей, затемняла высоко вверх пролет колодца. Это спустились шахтеры; весь край бадьи был увешан их фонарями.

— Я думал, что мы успеем подняться по лестнице до верхней галереи и по ней пробраться в соседнюю шахту. Теперь поздно! — сказал Мариц.

Мы не отвечали; оставалось одно — вернуться на прежнее место, забаррикадироваться и защищаться до последней капли крови.

Вдруг Котенок предложил:

— Спрячемся в заброшенной галерее! Они спустятся и побегут искать нас на прежнем месте, а мы прыгнем в бадью и подыдемся до галереи, ведущей в ту, соседнюю шахту.

— Если они не оставят никого стеречь бадью, — сказал инженер. — Но все равно бежим туда, может быть, мы най-

дем выход из мертвой галереи; во всяком случае в ней мы сможем защищаться не хуже, чем в новой.

Мы бросились в заброшенный проход. В этой галерее не работали уже больше трех лет; управление копей все время собиралось — для безопасности — завалить вход в нее, но эта работа откладывалась со дня на день.

Поначалу идти по галерее было очень трудно: почва была неровная, заваленная обломками, полная провалов. Балки, поддерживавшие своды, были белы от плесени и мхов; местами, где подпорки завалились под тяжестью осевших пластов, нам приходилось пробираться вперед ползком.

— Что это? — вдруг воскликнул инженер. — Слышите шум? Сверху бежит вода! Когда мы шли, там было сухо!

— Неужели эти черти хотят утопить нас? — спросил Уберт.

— Это нужно узнать, — сказал Питер. — Пусть кто-нибудь пойдет назад; если они гонятся за нами, они не станут этого делать!

— Верно, — сказал Джиджетто, — я схожу.

Он исчез. Мы постояли минуту, молча глядя друг на друга. Джиджетто вернулся.

— Они идут за нами по пятам!

— Что же делать? — спросил я.

— Вперед! — скомандовал инженер.

— Погодите, — сказал я, — здесь удобное место для зашиты, нужно одному остаться здесь.

— Незачем, — ответил Котенок, — лучше завалим проход; они здесь провозятся целый час.

— Правильно! — сказал Мариц.

Марсель зацепил киркой одну из подпорок, рванул и отскочил назад. Громадная глыба земли рухнула с глухим шумом, и проход был закрыт.

— Вперед!

Гул текущей воды усиливался по мере того, как мы двигались вперед. Все чаще приходилось нам наталкиваться на обвалившиеся груды земли; когда можно было — мы их обходили, когда другого пути не было — мы пробивали се-

бе дорогу кирками. Наконец мы дошли до крутого поворота.

— Здесь конец галереи, — сказал инженер.

— Сейчас узнаем, где шумит вода. Если вентиляционный канал свободен, может быть, нам удастся выбраться через него.

Двадцать шагов вперед.

Рокот воды стал заглушать наши голоса. Мы дошли до канала. Широкая струя воды сбегала по нему из верхней галереи и каскадом падала вниз. Но наша галерея оставалась сухой. Вода куда-то уходила.

Мы подошли к водопаду. Он вырыл в черных блестящих камнях небольшой бассейн. Уберт привязал свой фонарь к рукоятке кирки и протянул его вперед. Позади водопада мы увидали в гранитной стене широкий темный провал.

— Где Джиджетто? — спросили мы вдруг в один голос. Его не было видно. — Куда он делся?

Как бы в ответ на повороте показался фонарь. Это бежал Джиджетто.

— Наше счастье! — воскликнул он, пыхтя и обливаясь потом. — Хорошо, что я вернулся назад. Я приложил ухо к обвалу; они здорово работают кирками с той стороны. Я завалил проход еще в двух местах

— Молодец! — сказал Мариц. Между тем я засучил штаны выше колен, взял фонарь и вошел в холодную, как лед, воду. Бассейн был неглубок, и выше колен вода мне не доходила. Отверстие в стене оказалось достаточно большим. Я протиснулся в него боком, и струя свежего воздуха ударила мне в лицо

— Здесь сквозит! — крикнул я друзьям и двинулся вперед. Я прошел шагов двадцать. Почва была поката, и вода, журча, скользила у меня между ног. Я вернулся и рассказал товарищам, что видел. Само собой разумеется, они были очень удивлены; особенно странным нам казался ток свежего воздуха в расселине. По догадке инженера расселина должна была вести либо в широкий грот, либо на поверхность земли.

Что нам было делать? Остаться в галерее или попытать счастья? Вентиляционный канал был для нас закрыт водою; англичане были недалеко.

— Я иду вперед! Я самый тонкий! — сказал Котенок.

— погоди, — остановил его Питер Вандоэль. — Бог знает, что нас ждет; фонари нам могут пригодиться. Оставим зажженным один. Бери, Котенок, и ступай вперед.

Товарищи засучили штаны, погасили фонари и вошли в воду, а потом — в расселину, — впереди Джиджетто, за ним инженер, потом я, потом Питер и Марсель.

Котенок, гибкий и тонкий, живо подвигался вперед; мы все шли гораздо медленней.

— Вот в чем дело! — воскликнул вдруг инженер и коснулся моих губ пальцем.

Я почувствовал во рту солоноватый вкус.

— Здесь когда-то пролегал пласт хлористого натрия. Потому-то вода и нашла себе дорогу! — сказал Мариц.

Мы продолжали спускаться. В одном месте я думал, что не смогу протиснуться вперед, — так узка была расселина. У нас сердце замирало от страха, а чертенок Джиджетто заливался смехом:

— У, толстопузый, у-у!

Наконец, сделав решительное усилие, я прошел вперед. Тут проход стал шире, и можно было идти по-человечески.

II.

ВО МРАКЕ

Проход все расширился. Вола, журча, бежала вниз. Мы шли уже посуху, вдоль ручья, за Джиджетто, который ни на минуту не переставал болтать и потешать нас своими шутками. С каждым шагом перед нами вставала новая стена мрака, и завеса густой темноты опускалась позади нас.

Вдруг Джиджетто остановился как вкопанный и крикнул:

— Стой!

Инженер наткнулся на него, я на инженера, — так неожиданна была остановка.

— Что такое? — спросили все в один голос.

— Что такое? — сказал Джиджетто, — если бы я не остановился вовремя, стал бы Котенок рыбой. Глядите!

У его ног земля обрывалась, и пламя фонаря отражалось в черной воде колодца. Вода была вровень с землей. Колодец имел метров шесть в ширину, и стены его подымались совершенно отвесно. Джиджетто протянул руку с фонарем. Стены уходили вверх и терялись во мраке. Мариц взял камень и бросил в воду. Раздался всплеск, круги побежали от середины колодца к краям, качнули белые пряди мха, вернулись к середине и исчезли. Как камень ударился о дно, мы не слышали — очевидно, колодец был очень глубок. Я оторвал взгляд от воды и взглянул на Марица. Марсель воскликнул:

— Он доходит до центра земли!

— Что нам делать? — спросил Питер.

— Я голоден, — сказал Джиджетто, ставя фонарь на землю и усаживаясь на блестящую глыбу гранита.

Фонарь вспыхнул и потух.

— Умер! — воскликнул Джиджетто, и его голос резко и отчетливо прозвучал в темноте.

У меня по спине забегали мурашки.

— У меня есть спички! — сказал инженер. Ом чиркнул спичкой, и огонек вспыхнул.

— Да будет свет! — засмеялся Джиджетто. Я передал Марицу фонарь, и он зажег его.

— Я голоден! — заворчал Котенок. — Я голоден, а мой завтрак остался наверху.

— У меня есть! — сказали в один голос я, Марсель и Вандоэль.

Мы вытащили из мешков свои завтраки, со вкусом пое-ли хлеба с соленым мясом и запили холодной водой, что бежала у нас под ногами.

— Так-то славно! — смеялся Котенок, выпятив живот и поглаживая его рукой. — Ну и наелся!

Мы засмеялись. Вдруг Джиджетто вскочил:

— Инженер Мариц, а ведь вода-то в колодце не прибывает и не убывает!

Мы заглянули в бездну. Мариц спросил:

— Почему ты знаешь?

— Ведь мох по стенам все время остается на уровне воды!

Джиджетто прав! Значит, должен быть путь, по которому вода уходит!

— Верно! — согласился Марсель. — И это отверстие должно быть у поверхности воды! — продолжал инженер.

Мы впились глазами в стены колодца, но ничего не было видно, кроме гладкого, блестящего камня.

— Погодите! — сказал парень.

Я оглянулся и увидел, что он раздевается.

— Что ты хочешь делать?

— Поискать дыру!

— Да ты с ума сошел!

— Нет, что же нам, вечно здесь торчать? Назад вернуться нельзя; нужно узнать, по крайней мере, можно ли идти вперед!

И Джиджетто нырнул головой вперед.

— Она не так холодна, как я думал!

Он перевернулся в воде через голову и в два удара подплыл к другому краю колодца. Он поплыл вдоль стены, все время ощупывая ее. Каждая минута казалась нам часом.

— Ура! — крикнул он вдруг, нырнул и вынырнул у самых наших ног.

— Это — круглое отверстие, достаточно широкое, чтобы пройти через него человеку.

Но оно по меньшей мере на четверть метра под водой. Проход сейчас же подымается кверху, и в нем можно стоять. Я слышал, как по этой расселине бежит вода.

Джиджетто вышел на землю. Одна мысль была у всех нас: что делать?

— Что же ты? Отчего ты не одеваешься? — спросил я его.

— Зачем? Разве мы не идем вперед?
Нам веем стало не по себе от вопроса Джиджетто.
— Оденся, оденся, — сказал инженер.
— Неужто мы остаемся? — спросил парень.
— Куда нам идти? Не все плавают так хорошо, как ты,
— оправдывался инженер.
— Да и фонарь промокнет и не зажжется, — прибавил
Марсель.

Джиджетто оделся.

— Что ж, оставаться так оставаться, — сказал он. — Спокойной ночи. Я спать хочу. — И он растянулся в сухом углу.

Из двух зол человек выбирает меньшее. Если бы наши преследователи настигали нас, возможно, мы рискнули бы броситься в неизвестное. Теперь же мы утешали себя тем, что враги наши мало-помалу успокоятся, и мы сможем вернуться в шахту.

— Плохо вы знаете англичан, — проворчал Уберт.

В эту минуту мы услышали глухой непрерывный гул. Марсель бросился назад и тотчас же вернулся.

— Это они!

Я вскочил на ноги.

— Что делать?

— Вот, — сказал Питер, вытаскивая револьвер.

— Нет, — идемте вперед, — воскликнул инженер. — Джиджетто, вставай!

Но парень спал, пока его не растолкали.

— Идти так идти, — сказал он, вставая.

— А фонари? — спросил Питер.

— Возьмем их; фитиль намокнет и высохнет, а маслу ничего не сделается. Спички у меня в непромокаемой коробке, — ответил инженер.

Шум приближался; все яснее и яснее слышны были то-ропливые удары кирок.

Товарищи стали нырять. Вот нас осталось двое — Питер и я. Вот Питер исчез; у меня не хватало решимости броситься в черную бездну. Далеко в расселине мелькнули огоньки: англичане уже были здесь.

Я собрал все свое мужество и нырнул. Как и говорил Джиджетто, отверстие было недалеко. Но в одном месте проход был так узок, что я не мог проскользнуть через него. Я согнулся в три погибели, вобрал голову в плечи, но это не помогло. Страшная тяжесть сдавила мне грудь, кровь ударила в виски, и в ушах послышался звон. Наконец мне удалось повернуться боком и вынырнуть в проход. Я судорожно вдохнул воздух и вышел из воды. Товарищи ждали меня.

Инженер чиркнул спичкой и осветил низкую, узкую галерею. Мы двинулись вперед.

— Пойдите, — крикнул Джиджетто, — помогите мне!

Он надрывался, стараясь сдвинуть с места громадную каменную глыбу. Питер, Марсель и я бросились ему на помощь и скатили эту глыбу так, что она плотно закупорила отверстие, через которое мы вошли.

Джиджетто посмотрел туда, показал обеими руками нос и крикнул:

— Дудки, господа англичане! Посторонним вход воспрещается!

Потом обернулся к нам и сказал:

— Вперед!

По совету инженера мы сняли с себя мокрую одежду, свернули ее и двинулись в путь голыми — в галерее было тепло, и так мы не рисковали простудиться. Время от времени Мариц зажигал спичку, освещая путь. Когда Джиджетто увидел, как мы все шествуем нагишом по темным изгибам прохода, он воскликнул:

— Вот души несчастных грешников в аду!

Мы прошли еще немного, и инженер сказал:

— Друзья, у меня сейчас кончатся спички!

— Не беда, — ответил Котенок, — мы свяжемся вместе, как альпинисты, поясами, и я пойду вперед на ощупь, а вы за мной. Мне легче всего идти вперед, потому что я тоньше всех и всюду пролезу; кроме того, если я сорвусь в пропасть, вам нетрудно будет выдержать меня.

Парень был прав, и мы последовали его совету.

— Приберегите спички, — сказал я инженеру, — на случай, если без них нельзя будет обойтись.

Мы шли вперед медленно, щупая почву ногами, то и дело натыкаясь друг на друга. Молчали все, даже Котенок: мрак удручал нас. Вдруг Джиджетто воскликнул:

— Проход расширился! — и его голос прозвучал гулко, и где-то далеко эхо отдало его крик.

Неужели мы попали в громадную пещеру? Я услышал чирканье спички; свет на мгновение ослепил нас; потом мы увидали, что стоим на покатом гранитном берегу ручья, — и ничего больше: густая завеса мрака окутывала нас со всех сторон.

Бог знает, сколько времени бродили мы в этой бесконечной пещере. Я был утомлен и голоден. Вдруг раздался крик, и нас резко рвануло вперед. Я еле устоял на ногах.

— Парень упал в пропасть! — крикнул Питер.

Инженер зажег спичку. В двух шагах от него зияла пропасть, и Джиджетто болтался в ней, вися на поясе; он уже смеялся, как всегда. Дружными усилиями мы вытащили его из провала. Инженер уронил догоравшую спичку.

— Это последняя, — сказал он с грустью.

Мы повернули и пошли прочь от пропасти. Мы шли очень долго, все время держась берега ручья.

Инженер воскликнул:

— Я не могу больше!

Он упал в обморок от голода и усталости. Мы остановились и окружили его. Слышно было, как кто-то плакал — не то Котенок, не то Марсель. Вдруг Питер взял меня за плечо и сказал:

— Посмотри назад!

Я оглянулся и увидел невдалеке бледный свет — как будто скала отражала слабые далекие лучи. Я отвязался от общей веревки и сделал несколько шагов к освещенному месту. Оказалось, что скала эта вовсе не близко; это был обман зрения. Мы отделены были от нее длинной галереей.

III.

СТРАНА ЧУДЕС

Надежда на спасение вдохнула в меня новые силы. Я уговорил товарищей пойти со мною. Едва Мариц пришел в себя, мы снова двинулись тягостной дорогой, ободряя друг друга предположениями — что это отсвет солнца, что это отблеск луны, что мы выйдем на равнину, на гористое место, на берег моря.

Мы все повеселели; Котенок шутил не переставая, и мы то и дело покатывались со смеху.

Живо прошли мы длинную галерею и остановились у освещенной глыбы камня. Галерея сворачивала здесь под прямым углом, и скала отражала свет, лившийся из-за поворота. Мы пробежали вторую часть галереи и выскочили на открытое место, на широкую равнину тончайшего песка. С неба, усеянного звездами, струился нежный, ясный свет странного оттенка.

— Что это? Где мы? — воскликнул Мариц, — ведь это не звезды!

Действительно, приглядевшись лучше, мы увидели, что светлые точки вверху были менее яркие, чем звезды. Да и, кроме того, мы не видали ни одного из обычных созвездий — ни Южного Креста, ни Кентавра, ни Ладьи.

Далеко перед нами, на горизонте, занималась ослепительно-белая заря.

— Да ведь мы и теперь в пещере! — сказал инженер, — в громадной пещере, и те точки, что нам кажутся звездами, — таинственные источники света. Может быть, это отблески света, проникающего извне; свет, пробегая по своду, зажигает вкрапленные в него прозрачные обломки минералов!

— И мне кажется, что так, — сказал Марсель, — посмотрите на эту сверкающую часть горизонта. Там как будто за-

нимается заря: там, надо думать, выход из этой пещеры, и сквозь него проходят лучи солнца!

Да, очевидно. Марсель был прав. Мы снова пустились в путь. Джиджетто шел впереди нас, прыгая от радости. Пещера, почти круглая, имела версты четыре в ширину. Свод ее сверкал тысячами блесков. Мы позабыли и голод, и жажду и усталость и с замирающим сердцем приближались к выходу. Наконец желанная минута настала. Мы подошли к отверстию и оцепенели от удивления: у наших ног простилась гладь необозримого моря; над ним, вверху, лежала пелена ослепительного тумана, в котором сверкали источники невообразимо яркого света. Но чудесней всего было видеть, как с высоты падал дождь огненных хлопьев; хлопья падали в воду, но не гасли, нет — они растворялись в воде, бледнея, как бледнеет капля анилиновой краски в прозрачной жидкости; потом постепенно исчезали. Мы не могли прийти в себя. Одна из огненных капель упала мне на лицо. Этот огонь не жег!

— Чудесно! — воскликнул в восторге инженер.

— Великолепно! — сказал я.

— Очаровательно! — прибавил Уберт.

— Неподражаемо! — сказал Питер.

— А ты отчего молчишь? — спросил я Джиджетто, который, опустившись на колени у берега, подносил в пригоршне воду ко рту.

Он обернулся ко мне:

— Я? Что мне сказать? Тут ничего не скажешь, — и снова зачерпнул рукою воды.

— погоди пить! — крикнул Мариц.

Но Котенок уже коснулся воды губами и отвечал:

— Она превосходна!

Мы бросились на колени и утолили мучившую нас жажду нежнейшей, хоть и немного тепловатой водой.

— Николо! Николо! — услышал я вдруг.

Это звал меня Джиджетто.

— Николо, смотри, это все видно с закрытыми глазами!

Я попробовал закрыть глаза и продолжал видеть и светлый туман, и ослепительные источники света, и огненный дождь. Мне пришло в голову, что это происходит оттого, что сетчатая оболочка глаза обладает свойством сохранять некоторое время впечатление. Я спросил инженера, согласен ли он со мной.

— Закрой глаза руками, — отвечал Мариц.

Мы закрыли руками глаза — видение, хоть и немного затуманенное, оставалось.

— Нужно покрыть глаза чем-нибудь более плотным, — сказал я и прижал к глазам сверток одежды.

Я не видал больше ничего.

Мариц стоял задумавшись; я услышал, как он бормочет:

— Свет, проникающий через непрозрачные тела! Радий?

Тут прибежал Джиджетто и притащил горсть двустворчатых черных раковин, похожих на наших устриц.

— Глядите-ка, что я нашел!

Открытие это заставило нас позабыть великолепие всего виденного. Мы бросились за Котенком к скале и в две минуты навали с подножья ее, скрытого водой, целую кучу раковин. Мы взялись за ножи, открывали раковину за раковиной и ели без конца. Джиджетто, насытившись, свалился и уснул. Мы растянули мокрую одежду, чтобы она просохла, улеглись и дружно захрапели.

Проснувшись, я долго еще лежал на спине на нежнейшем песке, закрытыми глазами следя за паденьем огненных хлопьев. Потом мы оделись; вещи были сухи, как трут.

Я подошел с инженером к воде. Ему показалось, что он видит вдаль, над водной равниной, высокий гористый островок. Я не согласился с ним — по-моему, это был огромный утес, поднимающийся из воды и теряющийся в сверкающем тумане.

Пора было двигаться в путь. Мы опять поели вкусных моллюсков, наполнили ими мешки, закинули их за плечи и пошли вдоль берега влево. Однако скоро нам пришлось повернуть в обратную сторону, так как песчаная полоса сузилась и вода подошла к отвесным стенам утесов. Мы дви-

гались вправо часа два. Опять песчаная полоса исчезла, но здесь по граниту пролегла узенькая тропа, и мы могли продолжать путь.

По мере того как мы поднимались по тропинке, все более и более широкий вид открывался нашим глазам. Озеро километров двадцати в длину и километров восьми в ширину занимало не всю пещеру, позади него видна была широкая равнина. Светлый туман виден был только над частью озера; когда мы поднялись довольно высоко, мы поняли, что впечатление тумана создают бесчисленные огненные капельки, падающие со свода пещеры. То, что снизу нам казалось источниками света, было в действительности громадными сверкающими сталактитами; они были так яркие, что на них больно было смотреть. Мы были уже очень высоко, когда тропинка неожиданно кончилась. Перед нами в гранитной стене было широкое отверстие.

— Вперед! вперед! — был общий голос.

Мы двинулись в проход, но темнота остановила нас. Фонари высохли, но зажечь их было нечем. Котенок придумал выход.

— Вернемся, наберем в рубаху огненных капелек, и, когда она хорошенько пропитается ими, у нас будет прекрасный фонарь!

Мы вернулись на тропинку, разостлали мою рубаху на камнях и уселись рядом. Когда она хорошенько пропиталась светом — если можно так выразиться, — я свернул ее в жгут, и мы вошли в проход.

Новоизобретенный фонарь был великолепен! Время от времени огненная капелька падала с него наземь и растекалась в светлое пятно.

Галерея то суживалась, то становилась шире, но неизменно поднималась вверх.

Мы шли вперед до изнеможения. Вдруг мы увидели впереди яркий свет. Наученные опытом, мы уже не были уверены в том, что это — свет солнца.

Галерея круто повернула вбок, и мы вышли на площадку, заваленную глыбами скал. Я зажмурил глаза и зажал их руками, но напрасно: чудесный, сверкающий, нево-

образимый свет ослепил меня. Когда глаза привыкли к яркости освещения, мы увидали нечто, превосходившее всякое воображение.

Перед нами была необозримая пещера, наполненная совершенно невероятным блеском, как бы бесконечным числом замерших на месте молний. И высокий свод, и стены, и почва, и озеро, занимавшее часть пещеры, излучали один и тот же равномерный, белый, немерцающий свет. Каждая частица мертвой материи была источником этого света. Я говорю — мертвой материи, потому что утесы были покрыты густым, темным лесом, а в сверкающей воде плескались совершенно непрозрачные рыбы. Мы стояли молча и не могли вымолвить ни слова. Первым заговорил Котенок:

— Что за рай! Мы устроим здесь республику и выберем инженера в председатели!

Мы очнулись от своего оцепенения и стали закидывать инженера вопросами. Что нам было непонятней всего — это существование источника света, почти не излучающего тепло.

— В этом нет ничего странного, — сказал Мариц, — это свойство некоторых тел известно людям уже давно — с 1898 года. Оно было открыто супругами Кюри: они нашли новый металл — радий, который, без всякого воздействия на него, излучал столько света, что вблизи него можно было читать. Оказалось, что лучи радия проникают через очень многие тела; их можно видеть, закрыв глаза, и сквозь веки; они видны сквозь тонкую пластинку платины. Кусочек радия виден даже, если его положить в свинцовую коробочку.

Потом оказалось, что, если какой-нибудь предмет находится вблизи этого металла, он постепенно получает все его свойства, хотя и в более слабой степени. Но стоит убрать радий — и предмет мало-помалу эти свойства теряет. Ученый Беккерель добился того, что обыкновенная вода в течение нескольких дней излучала световые лучи. Потом ученым приходилось даже прекращать работу, потому что у них в лаборатории все вещи начинали светиться — и пла-

тье, и стены, и полы, и инструменты, и воздух. Бессон, чтобы показать, какую пользу можно было бы получить от радия (если бы его добыча не стоила так дорого, как теперь), примешал к хлористому цинку ничтожную долю радия и сделал из смеси ослепительные лампы; их с полным основанием можно было назвать вечными, потому что радий, несмотря на то, что непрерывно излучает во все стороны свои частицы, почти не уменьшается от этого в количестве.

Некоторые ученые думают, что все эти явления объясняются тем, что радий и другие близкие ему тела обладают способностью собирать, стягивать отовсюду находящиеся в пространстве электрические волны и потом, собрав, их излучать. Таким образом, говорят они, радий сам по себе не является источником света: он только принимает из пространства лучи и отдает их в сгущенном виде.

Другие ученые объясняют все это иначе: они считают, что все тела и самые разнородные виды энергии образуются путем соединения и разложения тончайших частиц единственной материи, эфира, обладающего единственной энергией — магнетизмом; эта материя и образует все существующие тела — в том числе и радий, и близкие ему минералы. Магнетизм же, по словам этих ученых, переходит в различные виды энергии: в тепло, в свет, в электричество и другие. Весьма возможно, что в этой пещере рассеян какой-нибудь из металлов, близких к радия.

— Но ведь здесь не светится ни воздух, ни лес, ни рыбы! — сказал я Марицу.

— Ты прав, — ответил он, — я неточно выразился; вернее будет сказать, что здесь должен находиться какой-нибудь минерал, обладающий некоторыми свойствами радия; ведь нам известны близкие радия минералы, не вызывающие свечения воздуха. Кроме того, мы можем предположить, что этот минерал воздействует на находящиеся вокруг него тела очень медленно; тогда все будет понятно. Светятся скалы и вода, которые бог весть сколько веков находятся вблизи этого минерала; воздух же непрерывно

меняется; животные тоже не остаются неизменными; вполне понятно, что радий не может воздействовать на них.

— Но ведь мы вовсе не знаем, что вода здесь всегда одна и та же!

— Я так полагаю. Покамест я не видел здесь ни одного притока; испарения здесь тоже почти нет. Правда, вода просачивается через своды пещеры, но она попадает в пещеру, уже насыщенная лучами, и падает вниз сверкающим дождем. Очевидно, она по пути проходит сквозь известковые пласты и отлагает известь на своде пещеры; эти сталактиты и кажутся нам ослепительными источниками света!

Мы готовы были согласиться с инженером. Я открыл рот, чтобы ответить ему, когда мы вдруг услышали со стороны озера крик Джиджетто. Все время нашего разговора он плескался и барахтался в воде. Мы обернулись и увидели, что он с перекосившимся лицом изо всех сил плывет к берегу.

Мы подбежали к воде. Он выскочил на берег, бледный как полотно.

— Там громадный крокодил! — воскликнул он.

— Что ты! Не может быть!

— Я не слепой, он был в двух шагах от меня.

— Глупости. Верно, тебе показалось, — сказал Марсель.

Котенок оделся и предложил устроить нечто вроде удочки и постараться выудить из озера рыбы. Но, вспомнив, что нам придется есть рыбу сырой, мы решили на этот раз удовольствоваться раковинами. Их было на песке множество и по виду они были совершенно не похожи на тех, что мы ели прежде.

— Точь-в-точь моллюски третичного периода! — изумился Мариц.

Хорошенько отдохнув, мы пустились в путь вдоль берега. Вначале дорога была завалена обломками утесов, упавшими сверху. Дальше лежала полоса тончайшего песка; пройдя ее, мы вошли в лес. Странные хвойные деревья высоко возносили свои темные вершины; их морщинистые стволы подымались из зарослей хвощей. Вперемежку с ни-

ми росли густолиственные деревья — не то пальмы, не то папоротники.

Неожиданное восклицание Питера заставило нас обернуться к озеру. Плоская, гигантская голова змеи подымалась из воды. За ней показалась длиннейшая шея — точно тело огромного питона; потом — громадное коренастое туловище.

— Плезиозавр! — воскликнул инженер, — скорее, скорее в лес!

Мы бросились в чашу.

— Что это за зверь? — спросил я Марсея, когда мы были в безопасности.

— Это плезиозавр — животное вторичной эпохи. Судя по частям его скелета, найденным в Европе, это было страшное чудовище. Пожалуй, в таком случае Джиджетто действительно видел крокодила! — сказал Марсель. — Нет, скорее это был ихтиозавр; это ужасное животное жило в ту же эпоху, что и плезиозавр; оно так же прожорливо, сильно как кит, и гибко, как змея; в пасти у него — сто восемьдесят острых, как ножи, зубов.

Все мы как по команде осмотрели свои револьверы; они оказались в полной исправности и были вполне готовы на случай встречи с этими неприятными соседями.

Котенку все не сиделось на месте. Он отошел от нас довольно далеко; потом вдруг пустился бежать к нам, крича:

— Человек! Человек!

— Что?

— Человек!

— Где?

Мы бросились к нему. На мягком, влажном песке ясно был виден отпечаток башмака. Ни один из наших следов на него не походил. Недавно здесь проходил человек.

IV.

ЗАГАДКА

Я не буду говорить о том, как мы были изумлены, об этом не расскажешь. Одна мысль наполнила наши сердца радостью: кто бы ни был этот человек, он должен был сюда прийти каким бы то ни было образом; нашей дорогой он прийти не мог; значит, из пещеры был выход. В путь!

Мы двинулись вперед, осматривая каждую пядь земли; мы дошли до озера, не встретив никаких признаков человека. Мы исходили вдоль и поперек песчаный берег, добрались до противоположной стороны озера, где отвесная стена преградила нам путь; все бесплодно. Оставалось одно — повернуть назад. Но тут Вандоэль заметил высоко между скал черную дыру. Мы взобрались наверх с трудом, обнадеживая себя мыслью, что это — выход из подземельного царства. Нет, галерея вела вниз.

— Может быть, это только вначале! — сказал Джиджетто.

Снова мы из рубахи свернули фонарь, запаслись моллюсками и нырнули во мрак расселины. Снова галерея стала сменять галерею, сверкающая пещера — пещеру; то мы тонули во тьме, то слепли от невообразимого света. Мы спали, ели, шли, пока не попали снова в ту пещеру, где впервые увидели огненный дождь; перед нами лежала узкая коса земли; она вела к утесу, виденному нами прежде.

Итак, нигде никаких следов. Очевидно, то была игра случая, то не был отпечаток человеческой ноги. Иначе мы нашли бы какие-нибудь признаки существования человека.

— Поищем еще, — сказал Котенок.

Мы готовы были погрузиться вновь в темноту галереи, когда протяжный звук — как бы звук далекого органа, строгий и торжественный, — прозвучал в воздухе и гулко отдался в широких сводах пещеры.

Мы переглянулись.

— Орган? Здесь?

— Не может быть.

Но тот же звук, четко и внятно, слышался снова.

— Конечно, это орган! — обрадовался Джиджетто.

— Может быть, нет, я слышал такие звуки по утрам в пустыне Калахари, — сказал Питер,

— А я в Сахаре! — прибавил Уберт.

— В пустынях — другое дело, — сказал инженер, — там по ночам водяные пары, охлаждаясь, падают на песок; утром, когда становится теплее, они легкими шариками подымаются кверху, и от трения этих шариков происходят странные музыкальные звуки — здесь этого не может быть.

— Конечно, — согласился я.

— Но если это орган, — сказал Котенок, — то мы его разыщем. Идемте! Ведь кто-нибудь на нем играет!

Мы невольно улыбнулись. Предположить, что здесь, в глубине земли, вдали от солнечного света, среди папоротников и ихтиозавров, человек играет на органе! Это было нечто совершенно невообразимое. Но ведь мы слышали звук органа, и дважды, и видали на берегу четкий отпечаток башмака!

Джиджетто настаивал на том, чтобы мы отправились искать таинственного музыканта.

— Мало ли что случается, — говорил он.

Перед нами была коса, что, тонкой нитью прорезая воды озера, бежала по направлению к одинокому утесу; по левую руку лежала узкая песчаная полоса берега, на котором мы были в первый раз, когда нашли эту пещеру; вправо расстилалась широкая равнина; она лежала в полумраке, потому что в той части пещеры не было светлого дождя и не было ярких источников света.

Мы направились туда.

Мы шли по этой равнине очень долго и смертельно устали. Пришлось остановиться, поесть раковин и поспать. Светлый туман был далеко, и нам было отрадно смежить глаза, не видя его сквозь веки.

Мы прошли еще немного, и вдали перед нами зачернел лес. Вдруг Питер насторожился и сказал.

— Прислушайтесь!

Мы снова оцепенели от изумления; лицо Джиджетто расплылось в улыбке.

Далеко-далеко, едва уловимые, слышны были звуки органа.

— Это хор из оперы Верди! — воскликнул я.

— Ага! — смеялся Джиджетто, — я говорил! Видишь, Николо!

— Тише ты, чертенок!

— Но ведь это совершенно невозможно! — сказал инженер.

— Как-то в Сент-Этьенне... — начал Марсель, но вдруг замолчал и отскочил от скалы, у которой стоял.

Какое-то животное, высотой по меньшей мере в два метра, выскользнуло из-за скалы. Телом оно было похоже на жабу; у него была острая, продолговатая, приплюснутая голова и громадные, тяжелые лапы с толстыми пальцами. Оно мотнуло головой и издало странный звук; это было кваканье, которое заглушило бы мычание телят.

— Лабиринтодонт! — закричал Мариц и бросился бежать; мы побежали за ним.

Но зверю, казалось, не было до нас дела: спокойно, маленькими прыжками он пересек берег и нырнул в озеро.

Мы еле переводили дух.

— Да это настоящая сказка! — сказал инженер. — В этой пещере мы нашли представителей первичной эпохи, каменноугольного периода и третичной эпохи! Не бред ли это?

— Что же с музыкантом? — спросил Джиджетто.

— И верно, пойдем, — сказал я.

— Не правда ли, — спросил инженер, — звук слышался из освещенной части пещеры?

— Конечно, — ответил Марсель.

Мы повернули назад; снова начали мы бродить вдоль озера по сверкающему берегу; дважды, утомившись, мы ложились отдыхать и, проснувшись, снова начинали поиски. Не найдя никаких следов человека, мы вернулись в темную часть пещеры, к скале, у которой видели лабиринто-

донта. Миновав ее, мы вошли в густой, сумрачный лес. Мариц называл каждое дерево так же уверенно, как если бы это был лес его родины. Вдоль берега росли невысокие, худосочные астерофилии. За ними — густолиственные травянистые папоротники; дальше — громадные деревья с грубыми чешуйчатыми стволами: лепидодендры, похожие на гигантские канделябры; сфенофилии, напоминающие своей формой ели; сигиллярии — с огромными стволами и странной листвой. Ползучие папоротники перекидывались с одного дерева на другое и светлыми прядями висели между темных стволов и листьев.

Это был лес каменноугольного периода. Мы прошли по опушке чудесного леса, исходили по всем направлениям темную часть пещеры: хоть бы один след! Оставалось предположить одно: человек жил на утесе, что стоял посреди озера. Но утес подымался из воды совершенно отвесно, вокруг него не было и полоски берега. Неужели он жил внутри утеса? Нужно было добраться до этой каменной глыбы.

Мы пошли по косе, что вела к утесу, но от конца ее до утеса было далеко; широкая полоса воды отделяла нас от цели. Пуститься вплавь мы не рисковали: хорошими пловцами из нас были только Джиджетто и Мариц; в воде, по словам инженера, могли жить, кроме лабиринтодонтов, страшные архегозавры и прожорливые рыбы той же эпохи — ганоиды.

— Вернемся в светлую часть пещеры, нарубим там в лесу крепких деревьев и устроим плот! — предложил Джиджетто.

Мы последовали его совету, испортили вконец свои ножи, но свалили с десятков деревьев; мы притащили их по одному к концу косы и кое-как связали поясами и полосами порванных рубах. Это была очень медленная и изнурительная работа; у нас ушло на нее по меньшей мере пятнадцать дней — вернее, пятнадцать промежутков между сном.

Мы спустили наш плот на воду и дружно, гребя неуклюжими веслами, одолели отделявшую нас от утеса полосу воды.

Это была громадная глыба камня, метров двадцати в диаметре. Мы привязали плот к выступавшему из воды обломку и стали обходить вокруг подножия утеса. Это было нелегко, скала подымалась из воды очень круто. Вдруг Джиджетто молча махнул нам рукой. Мы подошли к нему и увидели метрах в четырех над водой широкую площадку. На этой площадке на камне сидел старик, бледный, с большой бородой и массой белоснежных волос на голове.

Он нас не замечал.

Мы вскарабкались наверх, ступили на площадку и поклонились старику.

Увидя нас, он вскочил на ноги, широко раскрыл глаза, бросился нам навстречу, но, сделав два шага, оступись и сорвался вниз, в воду.

V.

ЧЕЛОВЕК ПЕЩЕРЫ

В воде очутились двое: Джиджетто бросился вниз вслед за стариком, рискуя разбиться о выступавшие из воды камни.

Я с Питером спустился к воде; Марсель и Мариц побежали за плотом; но, прежде чем они вернулись, мы вытащили старика и помогли выскочить на сушу Котенку.

Я поднял незнакомца на плечи и стал подыматься на площадку. Старик не подавал признаков жизни; он был легок как перышко.

Я готов был уже опустить старика на площадку, когда увидел пред собой в скале дверцу; она была открыта, и я вошел. Я очутился в просторной, хорошо обставленной, чисто выбеленной комнате. На передней стене, у двери, были развешаны охотничьи и рыболовные снасти и оружие; у

других стен стояли полки с чучелами зверей и птиц и с высушенными растениями странного вида.

С потолка свешивалась лампа, лившая белый холодный свет, похожий на тот, что мы видели в пещере. Пройдя комнату, я вошел в просторный зал, освещенный четырьмя такими же лампами.

В глубине зала стоял огромный орган; по стенам были полки с книгами, между ними мягкий диван и шкаф с коллекцией минералов. Большой стол был завален картами и книгами, а задней стене были видны две двери.

Я опустил мою ношу на диван, товарищи вошли за мной. Мы раздели старика и стали растирать его.

Джиджетто разыскал на одной из полок пузырек с нашатырным спиртом, я поднес его к лицу странного незнакомца, он на мгновение приоткрыл глаза и стал тихо дышать.

Джиджетто заглянул в соседнюю комнату и позвал нас:
— Возьмите его сюда. Здесь есть кровать.

Питер приподнял старика за ноги, я взял его под мышки и мы осторожно перенесли его и уложили в постель. В комнате стояло три больших шкапа. Джиджетто, с которого вода текла, как с губки, вытащил из шкапа белье, сделанное из странной серой материи, штаны и куртку, и переоделся; все было очень велико для него, и он имел положительно уморительный вид.

— Оденься и ты, Николо, ты совершенно мокрый! — сказал он мне.

Действительно, неся старика, я промок до нитки; я послушался совета и с удовольствием натянул на плечи тонкую мягкую рубаху.

Наш хозяин стал приходить в себя. Он открыл глаза и с изумлением посмотрел на нас. Нам показалось, что он испугался; мы поспешили успокоить его.

— Не бойтесь, сэр, мы заблудились в этих пещерах и счастливы встретить человека!

Казалось, он не понял. Может быть, он не знает английского языка? Я повторил слова Марица по-итальянски, Питер — по-голландски, Марсель — по-французски, но это

ни к чему не повело. Джиджетто решил, что старик, должно быть, глухой, и прокричал наши слова над самым его ухом, наполовину по-итальянски, наполовину по-английски, так оглушительно, что его голос слышен был, верно, во всех концах пещеры.

Старик слабо улыбнулся, но, видимо, не мог говорить; он лежал совершенно не шевелясь; мы встали и на цыпочках вышли из комнаты.

Я с Марицем вошел в зал; Питер, Марсель и Джиджетто прошли в соседнюю комнату. Первое, что мне бросилось в глаза, когда я подошел к столу, был открытый том «Божественной комедии» Данте.

— Посмотри, Мариц, ведь старик, должно быть, мой соотечественник! Во всяком случае, он читает по-итальянски.

Мариц подошел ко мне, и мы стали рыться в книгах и картах, что лежали на столе. Сколько книг по географии, по геологии, по зоологии, по ботанике! Но ни на столе, ни на полках не было ни одной книги, изданной после 1865 года! Неужели же старик прожил в этом подземелье больше тридцати восьми лет? Неужели у него не было никакой связи с внешним миром?

В это время в комнату вошли наши друзья.

— Глядите, — воскликнул инженер, — ведь это план подземелья!

Он держал в руках аккуратно сделанный чертеж.

— Конечно! Но ведь здесь целый лабиринт пещер! Эти подземелья тянутся от берега моря до Трансвааля, Претории! А вот и карта Южной Африки — это атлас Дюфура, изданный в 1864 году. Сколько на ней белых пятен — неисследованных мест! Но Наталь отмечен — он уже был известен. И план подземелья, и карта составлены в одном масштабе; значит, мы находимся теперь приблизительно под Йорком!

— А на какой глубине?

— Не знаю, глубины здесь не указаны.

Мы все склонились над столом.

— А где выход из подземелья? — спросил я Марица.

— Его нет на плане!

— А где ручей, вдоль которого мы шли?

— Вот он. Он бежит через мертвый лес, потом исчезает в широкой расселине и выходит в громадную пещеру на берегу моря; пещера почти доверху залита водой. Но из нее нет выхода в море. А вот пониже — небольшая пещера, она лежит над морским дном.

— Где же начало ручья?

— Вот оно; здесь отмечен проход, в который мы вынырнули из шахты; шахты на плане нет. Верно, прежде между ними не было сообщения.

Тут прибежал Джиджетто — он разыскал кухню и поташил нас туда. Нас не пришлось долго уговаривать, мы пошли за ним и попали в маленькую комнату, где на железной плитке, раскаленной электрическим током, кипела в котелке вода; в нем варилась рыба. Мы пришли вовремя, потому что вода уже почти вся выкипела и рыба распалась на куски. Мы поели с наслаждением горячей пищи — в первый раз за много дней и вернулись в зал.

Я с Марицем стал рассматривать оружие, висевшее в первой комнате. Там были великолепные ножи, даже сабли, употребляемые при abordage. Но удивительней всего были ружья и револьверы — у них были толстые стальные приклады, очевидно пустые внутри, и очень узкие стволы; курков не было, были только собачки. Мне удалось открыть приклад одного ружья; он действительно был полым, и в нем лежало около двадцати маленьких стальных шариков. Рассмотрев ружье внимательней, я увидел, что оно заряжается сжатым воздухом.

— Детские игрушки, — засмеялся Питер, поглаживая свой громадный револьвер, бывший на 400 метров пулей большого калибра.

Джиджетто тихонько подошел к дверям и заглянул в комнату, где лежал старик; наш хозяин был в том же положении, в каком мы его оставили, но ровно и спокойно дышал.

Мы улеглись — Марсель и Мариц на диване, Питер, Джиджетто и я на полу — и крепко уснули.

— Вставайте, будет вам спать, — разбудил нас Котенок через несколько часов, — идемте ловить рыбу!

Мы выспались на славу, усталость как руной сняло; мы живо приготовили снасти, расправили сети и собрались на ловлю. Джиджетто пошел в кухню за остатками вчерашней рыбы для наживы — ничего лучшего у нас не было. Я решил, что нужно перед уходом заглянуть к старику; мы вернулись в зал и замерли на пороге.

Наш хозяин вышел из своей комнаты и, держась за книжные полки, слабою походкою шел к нам. Старик поднял голову и с трудом, как бы не находя слов после долгого молчания, сказал по-итальянски:

— Кто бы вы ни были, несчастный приветствует вас.

Я был так взволнован, что не мог отвечать. Джиджетто перевел товарищам слова старика по-английски. Наш хозяин понял, очевидно, что английский язык был понятен нам всем, и, сделав еще шаг вперед, заговорил по-английски:

— Вы кажетесь мне отзвуком далекого мира! Откуда вы пришли сюда?

— Мы попали сюда из Ньюкэстльских каменноугольных копей.

— Из каких копей? Здесь нет никаких копей!

Мы переглянулись в удивлении.

— Неужели вы не знаете их?

— Нет!

Старик опустил на диван. Мы сели возле него.

— Недалеко отсюда есть шахты, — сказал инженер. — Мы пришли оттуда через бесконечный ряд галерей и пещер.

— Значит, вы сможете вернуться туда?

— Нет.

— Вы заблудились? Я покажу вам дорогу: я знаю здесь переходы.

— Нет, этим путем мы не сможем вернуться: он закрыт для нас навсегда. Мы надеемся только на вас, — сказал Мариц.

Старик грустно посмотрел на нас.

— На меня! Несчастливые люди!

Он поднял голову и взглянул на висевшие на стене часы-календарь.

— Я живу в этой пещере тридцать три года, четыре месяца и двенадцать дней!

У нас потемнело в глазах. Мариц спросил:

— Тридцать три года? И вам не удалось выйти отсюда?

— Нет. Тридцать два года с лишним я не видел ни живой души.

— По собственному желанию? — спросил Мариц.

— О нет, — вздохнув, ответил старик, — о нет, я многие годы искал выход.

Мне показалось, что своды пещеры налегли мне на плечи.

— Да, — продолжал старик, — если вам нельзя вернуться тем путем, которым вы пришли, вы не выйдете отсюда. — Он помолчал минуту и прибавил: — Может быть, ваше несчастье будет для меня счастьем.

— А как вы попали сюда? — спросил инженер.

Старик изменился в лице, привстал и сделал несколько шагов. Потом, опершись о стол, посмотрел Марицу в глаза и сказал резким, взволнованным голосом:

— Я не спрашивал вас, кто вы. Зачем вам знать, кто я? Чего вам от меня нужно? Зачем вы пришли сюда? Вас послал сюда он? Он? Он?

Старик замолчал и закрыл лицо руками.

Инженер ответил так, как сказал бы каждый из нас:

— Простите. Мы не хотели встревожить вас. Мы не будем беспокоить вас. Но мы охотно скажем вам, кто мы и как нас зовут. Скажите только, каким именем вас называть, ведь мы будем, как видно, долго вместе.

Старик помолчал немного и, опустив глаза, сказал:

— Называйте меня Мертвым; я буду вспоминать тогда, что, хотя я и с вами, я умер для света.

— Нет, — сказал Джиджетто, — лучше мы будем называть вас Хозяином; это будет напоминать нам о нашем приходе.

— Хорошо, зовите меня Хозяином, — согласился старик.

Инженер начал называть ему наши имена:

— Луиджи Бай, из Италии, флорентиец, по профессии — бездельник; Марсель Уберт из Сент-Этьенна во Франции, шахтер; я — Карл Мариц, инженер из Наталя; Питер Вандоэль из Миддльбурга в Трансваале, земледелец; Николо Галли из Ливорно...

Старик вдруг вскочил на ноги.

— Как? Как вы сказали? — воскликнул он, задыхаясь, схватившись руками за грудь. — Как?

— Николо Галли из Ливорно, в Италии...

Хозяин посмотрел на меня пристально, во все глаза, взял меня руками за голову и, всматриваясь в мое лицо, дрожащим голосом повторил:

— Ни-ко-ло Гал-ли! Ни-ко-ло Гал-ли! Точь-в-точь!

Он закачался и упал на диван.

VI.

КТО ОН?

«Почему старика так взволновало мое имя? Почему он так пристально вглядывался в мое лицо? С кем он нашел во мне сходство?» Эти вопросы не давали мне покою. Я ждал, чтобы старик пришел в себя, чтобы спросить его об этом, и в то же время боялся снова встревожить его.

Он очнулся, обвел нас глазами и сел.

— Простите, друзья, что я испугал вас. Я очень слаб, — дрожащим, тихим голосом сказал старик.

Я не решился тревожить его расспросами.

— Да ведь вы сегодня еще ничего не ели, — вспомнил Джиджетто. — Там, в кухне, есть еще немного рыбы.

— Не нужно, у меня здесь есть то, что мне теперь необходимо.

Старик поднялся и, опираясь на Марселя, прошел в свою комнату. Он вернулся оттуда с бутылочкой беловатой жидкости в руках; откупорив ее, он поднес ее ко рту и сделал долгий-долгий глоток.

— На земле нет таких бальзамов. Эта жидкость восстанавливает силы чудесным образом. У меня есть еще три бутылки этого напитка; отведайте, — сказал Хозяин помолодевшим бодрым голосом.

Мы попробовали эту жидкость. Ощущение силы и свежести разливалось по всему телу.

— Вы сами готовите ее?

— Как она называется?

— В нее входит спирт?

— Это сок особого рода морской травы, — ответил старик.

— А как вы добываете его? — спросил я, в надежде, что ответ Хозяина хоть как-нибудь коснется волнующих меня вопросов.

Но он только пристально поглядел на меня и ничего не ответил. Я почувствовал себя разочарованным, мои товарищи — тоже. Наступило неловкое молчание. Джиджетто прервал его.

— Знаете, друзья, хоть мы и напились волшебного напитка, нам нужно будет сегодня есть. Идемте к озеру, — ведь здесь только и кушанья, что рыба.

Старик вздрогнул и вышел из задумчивости.

— Рыбу из озера нельзя есть; она имеет самый невозможный вкус.

— Как так? А та рыба, что мы ели вчера?

— То была морская рыба, отличнейшая кефаль.

— Морская, — воскликнул я с инженером в один голос.

— Вот именно. Что ж, идемте половим — Джиджетто прав: здесь рыба — единственная пища.

— Неужели же мы пойдем к морю?

Перед моими глазами замелькали блески солнца на синей воде, беспредельное лазурное небо, белый парус вдаль.

— Не думайте, — сказал старик, — что я поведу вас на берег моря. Мое море скрыто в густом мраке, рыбы в него заходят, но не живут.

— Значит, мы пойдем в ту подводную пещеру, что нарисована у вас на плане? — спросил Мариц.

— Конечно.

— В таком случае там должен быть выход?

— Да, на глубине сорока метров от уровня моря.

Искорка надежды, на мгновение блеснувшая, потухла.

— Ведь я говорил вам: если тот путь, которым вы пришли, закрыт для вас — вы никогда не выйдете отсюда.

Тут старик взглянул на меня. Что-то промелькнуло в его глазах; видно было, что он очень волнуется. Каждая черточка его лица дрожала — казалось, он испытывает жестокую внутреннюю борьбу.

— И все-таки вы должны отсюда выйти, — сказал он наконец.

Он резко встал и направился в комнату, где были рыболовные снасти.

— Идемте приготовим снаряды, — сказал он.

Я задержал Марица: мне хотелось поговорить с ним.

— Скажи, Карл, что мне делать. Те несколько минут, когда ты назвал старику мое имя, взволновали меня до глубины души. Волнение старика, сходство, которое он нашел во мне с кем-то; время, с которого длится его заточение, его итальянское происхождение, его тосканский выговор, все заставляет меня думать, что он имел какое-то отношение к моему отцу и к его исчезновению. Кажется, я не говорил тебе, что мой отец отправился в далекое плавание и что мы не имели с тех пор о нем никаких сведений. Пароход, на который он сел, благополучно прибыл в Гамбург, но отца моего и еще нескольких пассажиров на нем не оказалось, и нам ничего не удалось узнать о них.

— Ты думаешь, он знал твоего отца?

— Может быть, он был его другом, может быть, он виновник его исчезновения или смерти.

— Не думаю, чтобы он был способен убить кого-нибудь.

— Что же мне делать? Спросить его?

— Тогда он, наверное, ничего не ответит или выдумает какую-нибудь историю.

— Как же быть?

— Подожди еще; может быть, тебе удастся захватить его в минуту откровенности, удастся разбить его замкнутость. Кажется, это будет вернее.

В эту минуту вошли Джиджетто, Марсель, старик и Питер, с сетью и самоловами в руках. Джиджетто и Марсель весело болтали; Питер имел унылый, пасмурный вид.

— Знаете, Хозяин, — воскликнул вдруг Котенок, — почему наш добрый Вандоэль раскис? Ему нечего курить. Нет ли у вас папироски? Ей-богу, он сейчас заплачет!

— Только и всего? — улыбнулся старик сконфуженному Питеру. Он достал с полки коробку сигар и протянул ее буру.

Питер сразу повеселел и пошел на кухню закуривать. Между тем наш хозяин открыл низенькую дверь, которой мы прежде не замечали, потому что она совершенно сливалась со стеной и была в тени.

— Эта дорога ведет к морю, — сказал он; потом он достал из стенного шкапа две стеклянные трубки, излучавшие яркий белый свет.

— Они, верно, наполнены водой из светлой части пещеры? — спросил Мариц.

— Да, — ответил старик, — а вы там были?

— Мы там бродили без конца; мы впервые узнали там, что в этих подземельях живет человек: там на песке был ясный след человеческой ноги.

— След? — воскликнул в изумлении старик. — Я там не был уже пять лет!

Неужели же в подземелье жил еще кто-нибудь? Старик у это казалось невероятным. Мы, наученные опытом, готовы были верить всему.

— Нужно будет осмотреть эти места, — сказал Хозяин. — Во всяком случае это очень странно.

Тут вернулся Питер; он с блаженной улыбкой пускал кольца душистого дыма.

— Они превосходны! Но это не табак, — сказал он.

— Верно, — ответил старик, — но они лучше всякого табака, не так ли?

— Лучше, конечно; но что же это?

— Это — не табак, — уклончиво ответил старин, передавая мне лампу.

Мы вошли в узкую, темную галерею. Больше часа мы шли хорошим, быстрым шагом. Перед нами открылась небольшая пещера, несколько проходов начинались в ней; мы вошли в один из них и стали спускаться все вниз и вниз.

Еще час пути, и мы очутились на широкой площади. Перед нами расстилалось море мрака; позади, над расселиной, из которой мы вышли, подымалась отвесная каменная стена.

— Там, внизу, море, — сказал старик. Я протянул вперед лампу; в трех шагах площадка обрывалась, и стена, такая же отвесная, как та, что была позади нас, уходила вниз, в темноту. Железный стержень, раздвоенный на конце, был неподвижно вделан в край площадки.

— Сколько отсюда до воды? — спросил я старика, который, перекинув веревку через разветвление стержня, собирался опустить вниз натянутую на железный обруч сеть.

— Шестьдесят метров, — ответил старик. Он укрепил лампу на перекладинах обруча и стал опускать сеть в пропасть. Мы перегнулись через край площадки. Сеть опускалась все ниже и ниже и, наконец, погрузилась в воду. Лампа освещала воду нежным, ясным светом.

Мы забросили в воду самоловы и стали ждать.

— Так вы говорите, что попали сюда из... — прервал вдруг молчание старик.

— Из Ньюкэстльских копей, — ответил Уберт.

— Что добывают в этих коях?

— Каменный уголь. Вся промышленность восточного побережья Южной Африки живет этим углем, — сказал Мариц.

Я заметил, что старика это удивило.

— Где же погружают этот уголь?

— В Дурбане или в Порт-Натале.

— В Порт-Натале? — воскликнул с изумлением старик.

Но скоро настала наша очередь удивляться.

— Вы упомянули о промышленности. Много там заводов? — спросил Хозяин.

— До войны — да, — отвечал Мариц, — но теперь, за исключением Капской Земли...

— Капской Земли! Но, значит, над нами Южная Африка!

Мы в изумлении переглянулись.

— Неужели вы не знали? — спросил я старика.

— Нет, не знал! — неохотно ответил Хозяин, жалея, видимо, что проговорился.

— Но откуда же вы... — начал было я, но замолчал, боясь разбудить его бдительность.

Он, чтобы избежать вопросов, встал и начал вытаскивать сеть. Мы помогли ему, в сети оказалась громадная камбала и немного мелкой рыбешки. Мы растянули сеть на земле, чтобы она просохла, и снова взяли за самоловы. Время от времени кто-нибудь вытаскивал бьющуюся на крючке рыбку.

Старик, по-видимому, заинтересовался очень сильно.

— Какая же там была война? — спросил он Котенка.

— Очень недурная, — ответил Джиджетто, — англичане подрались с бурами. Питер, Марсель и Мариц могут о ней кое-что порассказать.

— Что ее вызвало?

Мариц в двух словах рассказал, как сложились экономические отношения Южной Африки и Англии, как Англии стало важно завладеть этой богатейшей страной и сделать из нее свою колонию.

Марсель было хотел рассказать старику о своем участии в войне, но тот перебил его.

— Потом, потом. Расскажите мне лучше, что произошло наверху за последнюю треть века.

Мы собрали снасти и рыбу и двинулись домой. По пути и дома, покуда варилась рыба, мы не переставали рассказывать старику о том, что за эти тридцать лет произошло на земном шаре.

Мне приятно было видеть, с какой радостью слушал наш Хозяин рассказы о независимости и объединении Италии, как он вздыхал, слушая о тех невзгодах, которые ей еще приходится переносить.

Мне пришло в голову, что, если каждый из нас расскажет старику свою жизнь, может быть, и он перестанет быть таким замкнутым. Я сказал об этом Марицу, и он вполне согласился со мной.

Когда мы сели за стол, инженер снова заговорил о войне, Марсель охотно стал рассказывать о том, что ему пришлось видеть в эти ужасные годы. Не спеша он рассказал всю свою жизнь.

— Я родился в Сент-Этьенне. Мой отец был старый забойщик — как пойдет, бывало, махать киркой, не утонишься за ним. Упаришься, а не вывезешь угля, что он наломает. Я был старшим из детей, и мне, под худую руку, попадало чаще, чем брату и сестренке. Я все ждал — когда ж это я вырасту большой и стану спускаться в шахту. Ну, до тринадцати лет пришлось погодить.

А там день за днем стали мы с отцом на рассвете — солнце ли, слякоть ли — спускаться в проклятую дыру. Сперва я только катал вагонетки; потом, как немного в силу вошел, стал нагружать их. Восемнадцатый год мне пошел, чтоб не соврать, когда отца моего пришибло: в соседней галерее был взрыв, в нашей обвалился потолок. Мне повезло — я остался цел, а ему раздавило руку. Он протянул недельки три и сгорел.

Довелось тогда мне всю семью кормить; братишка подрос и, как водится, стал катать вагонетки. А я уже тогда забойщиком был.

Лет восемь так мы и прожили, покойно, по-хорошему. А тут хозяева наши стали плату сбивать да урезывать — народу безработного много было, а им и на руку. Работаешь, работаешь, а на хлеб не хватает — все вычеты да отсчеты. Устроили мы тогда забастовку, а из-за этой самой забастовки я из шахт, что пробка из воды, вылетел. Пошел искать работу в шахтах по соседству, да кто мне ее, клейменому, даст? Пошатался я, пошатался и нанялся кочегаром

на пароход; доехал до мыса Доброй Надежды и отправился на Иоганнесбургские золотые копи. Золота там я нашел немало, да не мне с него был толк. Тут началась война — надо было вызволять буров. Мне пришлось быть под начальством Жуберта — славного старого Жуберта. Там-то мы и встретились с Питером. А ведь здорово мы дрались тогда! Помнишь, Питер, как однажды мы вдвоем разогнали целую шайку Хаки*! И сверкали же тогда их пятки! Ну да об этих вещах вы с Марицем расскажете лучше моего... Эге, да это что?... — Он наткнулся на кусок странной рыбы, у которой хрящеватый отросток торчал надо ртом.

— О, ведь это химера! — воскликнул Джиджетто. — Ай да Марсель, кого выудил!

— А ты почему знаешь, что эта рыба — химера? — спросил инженер.

— Да потому, что я изучал зоологию! — отвечал парень.

— Ты? — спросил я.

— Еще как! На рынке, во Флоренции.

— О, это хорошая школа! — засмеялся инженер.

— Конечно! Мой папа и моя мама не успели сказать мне, как их звали. Как-то жена Свежих-Сладких...

— Кого?

— Свежих-Сладких; это очень хороший человек из квартала Сан-Фреддиано во Флоренции. Ну так вот: жена Свежих-Сладких как-то днем, а вернее, рано утром нашла меня в куче мусора. Она говорит, что я из этой кучи и родился, но я ей не верю. Она возвращалась с рынка, куда ходила за патокой для пирожков; ее муж продавал их и кричал: «Свежих, сладких — кому угодно! Только сольдо!» — потому его так и прозвали. Она потащила меня к своей приятельнице, которая имела грудного ребенка; та приложила меня к груди и покормила. И наелся же я! А Свежих-Сладких ругался с утра до вечера, глядя, как его жена бежит от одной доброй женщины к другой — то чтобы покормить меня, то за рубашонкой, то за пеленкой, как она сжигает пирожки и путается в сдаче. Наверно, у меня теперь есть

* Прозвище английских солдат.

штук тридцать молочных братьев и сестер. Когда мне стало пять лет, все мои мамы и папы решили, что довольно мне ползать по кучам мусора и что пора мне зарабатывать кусок хлеба. Меня отдали сапожнику, пьянице и поэту, черт возьми! Он уверял, что происходит по прямой линии от Данте Алигьери, хотя звали его Данте Сусини. Он окрестил меня именем Луиджи Бай и написал по этому случаю стихотворение. Имя это так и осталось, хотя звали меня все Котенком. Данте научил меня читать, писать и понимать толк в колодках. Он считал, что из меня должен выйти хороший поэт, и колотил меня колодками, когда я не мог выдумать рифмы. Потом я от него ушел и испробовал всякие занятия, какие только бывают на свете. А когда я узнал, что свет не сошелся клином на Сан-Фреддиано, я решил отправиться посмотреть этот свет. Господи, как плакали все мои мамы и папы, и братья, и сестры, и тетки, и дядьки! Они натащили на прощанье столько курток и штанов, рубашек и ботинок и всякой дряни, что я чуть было не решил остаться и открыть лавку. Но это было бы невежливо; я отдал всю эту кучу жене Свежих-Сладких, чтобы она раздала ее бедным; так как беднее всех моих родственников в Сан-Фреддиано никого не оказалось, то каждый из них получил свое. Когда я уезжал, они чуть не задушили меня поцелуями. Так я сюда и попал!

— Так я сюда и попал! — повторил старик. — Да ты ведь не рассказал самого главного — каким образом и почему вы сюда попали. Зачем мне знать, что с вами было раньше? Я хочу узнать, как вы сюда вошли и есть ли для вас надежда вернуться наверх.

— Я должен вернуться наверх, — воскликнул я. — Моя бедная мать...

— Твоя мать жива? А сестренка? — перебил меня Хозяин, вскочив с места.

Меня как громом оглушило. Я едва нашел в себе силы ответить ему, что сестра моя жива. Старик уже снова уселся и, казалось, взглядом просил меня не расспрашивать его ни о чем.

Несколько минут прошло в молчании. Наконец я собрался с силами и прервал его. Не торопясь, по порядку в рассказе Хозяину, нам мы попали в подземелье,

Когда я кончил, старик немного помолчал, потом воскликнул:

— Нет, я не теряю надежды. Вы выйдете отсюда!

VII.

ПОД ИНДИЙСКИМ ОКЕАНОМ

Я сгорал от нетерпения остаться со стариком с глазу на глаз, чтобы расспросить его, наконец, обо всем, мучившем меня. После обеда мы провели несколько часов, болтая и курия прекрасные сигары, которыми Хозяин нас угостил.

— Завтра я расскажу вам свой план; теперь нам нужно хорошенько отдохнуть, потому что утром нам предстоит далекая прогулка, — сказал старик.

Он ушел в свою комнату, мы улеглись кто на полу, кто на диване.

Я не мог сомкнуть глаз; двадцать раз я готов был вскочить и пойти в комнату старика. Вероятно, старик тоже не спал: когда утром он вошел к нам, у него были воспаленные глаза и совершенно осунувшееся лицо. Я опять не мог поговорить с ним, потому что товарищи мои уже встали.

— Пора в путь! — сказал старик. — Надо получше запастись провизией, мы вернемся не раньше чем через два дня.

Мы последовали его совету и двинулись в путь.

Старик повел нас той же дорогой, которой мы шли к морю. Но в небольшой пещере, в которую выходило несколько галерей, он свернул в незнакомый нам проход.

Мы шли не останавливаясь весь день. Потом, выбившись из сил, мы растянулись на земле. Проснувшись, мы

снова двинулись вперед. Часов через пять наш проводник поставил лампу наземь и сказал:

— Здесь нам уже не нужно освещать дорогу. Сейчас вы увидите свет, о котором так давно мечтаете.

Действительно, пройдя несколько шагов, мы увидали впереди бледное нежное мерцанье. Еще немного — и мы вышли в просторную пещеру. С высоты лился мягкий, си-невато-зеленый свет.

— Да ведь это море! — воскликнули мы, глядя на прозрачный свод, лежавший над нами.

— Совершенно верно, — сказал старик, — это море. Свод этой пещеры состоит из одного гигантского кристалла!

— Что за чудное зрелище!

— А теперь посмотрите сюда! — он указал нам на угол пещеры.

Я вздрогнул от изумления. Там была груда брильянтов, жемчуга, драгоценных камней, слитков золота, которыми можно было бы нагрузить несколько вагонов.

— Берите, берите сколько вам угодно, — сказал Хозяин.

Мы стали наполнять свои карманы. Старик смотрел на нас и посмеивался. Потом мы поели и двинулись в обратный путь.

— Вот что я думаю, — сказал старик. — Мы пойдем туда, откуда вы прошли в эти подземелья. Кто-нибудь из вас, на кого меньше других злы англичане, пройдет в шахту и условится с шахтерами, какого выкупа будет достаточно, чтобы обеспечить вам свободный проход. Потом он вернется, вы все выйдете, уплатите условленную сумму и будете свободны. Прав я?

— Конечно, вы правы, — ответил Уберт, — но почему вы говорите только о нас?

— Разве вы не пойдете с нами? — прибавил я.

Он пристально взглянул на меня и сказал:

— Нет.

— Неужели же вы хотите остаться здесь?

— Здесь кончится моя жизнь. Вдали от мира и людей.

Мы не решились расспрашивать и возражать ему.

После трехдневного отсутствия мы вернулись к дому старика, поели и выспались. Наш Хозяин сказал:

— Мы сегодня же отправимся туда, откуда вы пришли в подземелье. Но прежде чем двинуться в путь, я прошу у вас одного обещания.

— Мы согласны на все! — ответили мы в один голос.

— Вы не скажете ни одной живой душе о моем существовании. О богатствах вы скажете, что нашли их.

— А вы... — заикнулся я.

— Мое решение непоколебимо. Здесь — моя могила и мое освобождение.

Я замолчал.

Мы собрались в дорогу. Марсель и Джиджетто отправились в светлую часть пещеры и наполнили сверкающей водой шесть стеклянных трубок; мы запаляли их сверху, уложили в резиновый мешок драгоценности и оружие — револьверы Марселя и Питера и три револьвера, подаренные Хозяином Марицу, Джиджетто и мне, туго затянули мешок и привязали его к середине длинной веревки, чтобы он не затруднял нас, когда нам придется нырять из прохода в шахту. То же самое мы сделали и с провизией. Когда все было готово, мы двинулись в путь, причем Хозяин взялся быть нашим проводником.

Нам не пришлось прибегать к помощи плота.

— К берегу озера можно выйти подземным коридором, — сказал старик.

Мы пошли тем же путем, каким шли к морю; в пещере, в которую выходило несколько галерей, мы свернули в проход, круто спускавшийся вниз.

— Мы находимся теперь как раз под озером, — сказал старик после получаса ходьбы.

Действительно, сырость пронизывала нас до мозга костей.

— Этот проход — моя гордость, — сказал наш проводник.

Только дойдя до подъема, мы поняли его слова; в почти отвесной стене было вырублено больше трехсот ступенек.

— Я работал над этой лестницей больше года, — сказал старик, — мне не из чего было сделать плот.

Мы стали подыматься наверх. Каким ясным, белым светом освещали водяные лампы наш путь! Длинные черные тени скользили позади нас. Наконец подъем кончился.

— Вот то место, где инженер упал в обморок! — воскликнул Джиджетто.

Мы сделали продолжительный привал и со свежими силами двинулись дальше. Через несколько часов мы вошли в узкую черную расселину.

— Это та галерея, через которую вы пришли сюда? — спросил старик.

— Нет, — сказал я, — по тому коридору бежал ручей.

Мы опустили лампы к земле. Несомненно, ручей пробегал здесь прежде; теперь сухое русло змеилось между обточенными водой камнями.

Что могло случиться с ручьем? Мы вошли в галерею. Конечно, это был тот проход, по которому мы шли прежде. Еще несколько часов утомительной ходьбы, и мы поняли, почему иссяк ручей. Громадный обвал завалил проход в шахту. Очевидно, англичане, взбешенные нашим бегством, взорвали динамитом проход и навеки завалили мертвую галерею.

Мы были погребены в подземном царстве.

VIII.

ПЛАН МАРИЦА

Грустен был наш обратный путь. Даже Котенок приуныл и стал серьезен.

Мы вернулись домой, свалились от усталости и проспали мертвым сном добрых девять часов. Разбудило нас тор-

жествующее восклицание инженера:

— Выдумал!

— Что такое? — спросил Джиджетто, вскакивая с дивана.

— Я выдумал, как нам отсюда выйти.

— Как? Неужто? Как?

— Мы пробьем себе дорогу наверх!

Мы все уже были на ногах и окружили Марица, забрасывая его вопросами. В эту минуту в комнату вошел Хозяин.

— Вот и вы! — воскликнул инженер, — ваши советы будут нам нужны сегодня как никогда!

— Я всегда рад помочь вам, — ответил старик.

Мы уселись, и Мариц начал:

— В светлой части пещеры таится двигательная сила неисчислимой величины. Вам известно, Хозяин, откуда исходит этот ослепительный свет?

— Нет, мы напрасно ломали над этим голову.

Я заметил с удивлением, что старик ответил «мы» (во множественном числе). Кто, кроме него, мог видеть эту пещеру?

— Это неудивительно, — сказал Мариц, — ведь вы не выходили из этих подземелий уже тридцать четыре года. Между тем ученые нашли некоторые тела — их называли полонием, радием и актинием, — которые обладают способностью излучать свет, похожий на тот, которым залита пещера. Если я прибавлю к этому, что эти тела обладают способностью не только распространять световые лучи, но и передавать это свойство другим телам, что, будучи опущены на некоторое время в воду, они заставляют воду светиться, вы поймете, конечно, что явления, виденные вами в пещере, очень мало отличаются от явлений, вызываемых этими телами. Очевидно, в этой пещере находятся значительные массы какого-то минерала, близкого радия, либо полонию, либо актинию. Ведь так?

Хозяин молча кивнул головой.

— Науке, — продолжал инженер, — удалось также найти объяснение явлениям, вызываемым присутствием этих

минералов.

Вы знаете, вероятно, что в пространстве всегда находится некоторая энергия, очень близкая электрической энергии, а может быть, ничем от нее не отличающаяся. Эта энергия распространяется в виде волн точно так же, как звук — концентрическими кругами: такие же круги покрывают рябью гладь озера, если в него бросить камень. Энергия эта незрима для глаза; однако волны ее, называемые волнами Герца, дают отпечаток на фотографической пластинке. Соотечественник Джиджетто и Николо, а может быть, и ваш, Хозяин, по имени Маркони, воспользовался этим свойством и устроил беспроволочный телеграф, перебрасывающий телеграммы из одного конца света в другой. Но это еще не все. До некоторого времени полагали, что эти волны обладают только способностью передачи; что, получив некоторое воздействие в одной точке, они передают его в некоторую другую, определенную точку. Между тем оказалось, что волны эти можно собрать и путем особых трансформаторов превратить в другие виды энергии, скажем, в световую, в электрическую. Эта мысль родилась, когда увидели, что светоизлучательные свойства радия происходят оттого, что этот металл поглощает полностью все волны Герца, находящиеся в непосредственной близости от него, и, сгустив их до того, что они становятся зримыми, отдает их вновь пространству. Мы, по всей видимости, не ошибемся, если скажем, что минерал, находящийся в пещере, потому заливают все подземелье светом, что обладает способностью поглощать и отдавать волны Герца.

— Конечно, — согласился Хозяин, который с возрастающим удивлением слушал слова инженера.

Мариц продолжал:

— В свое время, когда я только ознакомился со всеми этими, тогда совершенно неожиданными, явлениями, мне пришла на ум следующая мысль: нельзя ли использовать мощные запасы энергии, заключающиеся в радиоактивных веществах? Эта мысль была так занимательна, что я, превосходно понимая трудность и, быть может, даже невыполнимость этой задачи, все же взялся за нее. Раньше

всего предстояло достать хотя бы некоторое количество радия.

Друзья мои, вы знаете, как скромны заработки инженера, работающего в английской компании. Много времени прошло, пока мне удалось скопить сумму, нужную для покупки радия. Но... эти затруднения пошли мне впрок. Так как до получения радия прошло довольно много времени, я выполнил тщательную и детальную теоретическую подготовку. Я исследовал вопрос во всех направлениях, и когда радий был у меня в руках, я с восторгом убедился, что некоторые мои мысли получили подтверждение. Идея радиотрансформатора электрических волн уже облеклась в реальные формы, и я уже мечтал о том, как колоссальные запасы электрической энергии, вырабатываемые почти без затрат радиотрансформаторами, удешевят производство, а следовательно, облегчат жизнь трудящимся. Вдохновляемый этой надеждой, я работал без устали, но тут возникло новое затруднение: чтобы окончательно завершить мою работу, мне нужно было обладать, хотя бы на время... половиной имеющегося на земле количества радия. Только при этом условии я мог окончательно убедиться в правильности моих теоретических предположений и в возможности им практически осуществиться. Надежды не было никакой! Я хлопотал, просил. Я забрасывал письмами директора Лондонского радиологического института, но он мне помог не больше, чем директор Парижского института. Оба ограничились тем, что сухо выразили сожаление по поводу того, что не могут предложить своих лабораторий и ценного материала к услугам никому не известного инженера Марица.

— Теперь мы богаче, чем самый богатый радиологический институт на земле! — вскричал Джиджетто. — Инженер Мариц, — сказал он, принимая важную позу, — директор радиологического института имени капитана Немо предлагает вам все свои запасы радия и разрешает вам работать в лабораториях института.

При этом он горделиво указал на окружающий нас мрачный ландшафт подземелья.

— А сумеем ли мы воспользоваться этими, еще скрытыми от нас, запасами радия? — спросил я Марица. — Сумеем ли мы в условиях полной оторванности от внешнего мира выполнить то, о чем вы мечтали, когда еще были на поверхности земли?

Инженер задумался. Он оглядел каждого из нас по очереди, как будто обсуждая про себя все наши качества и все недостатки, и потом сказал:

— Друзья мои. мы должны суметь!

— И сумеем, черт подери! — вскричал неугомонный Джиджетто. — Приказывайте, Мариц, у меня уже руки чешутся от желания работать.

— погоди, Котенок, — смеясь, ответил инженер, — дай хоть часок подумать. Работы предстоит немало — и нужно детально выяснить ее план. Вам придется построить не только радиотрансформатор, но и двигатели, которым он сообщит энергию. Нам нужно подыскать материал для гигантских сверл...

— Нам нужно этими сверлами пробить эту проклятую крышу, которая торчит над нашими головами! — закричал Джиджетто уже совершенно диким от радости голосом.

— Вот именно, — закончил Мариц. Мы все были вне себя от восторга. Молчаливый Питер смеялся, как ребенок, у старика навернулись на глаза слезы.

— Добьемся мы освобождения своею собственной рукой! — запел Джиджетто.

Потом мы стали подробно обсуждать план инженера; тогда нам стало ясно, сколько трудностей нам предстоит победить, сколько препятствий преодолеть, как долго будет наш труд и как, при самых лучших обстоятельствах, далек день нашего освобождения.

Хозяин показал нам чертеж, на котором наша тюрьма была изображена в разрезе. Оказалось, что над светлой пещерой лежит еще один небольшой грот: из всех подземелий он был ближе всего к поверхности земли. Припомнив глубину Ньюкэстльских копей и приблизительный уклон всех пройденных нами коридоров, мы рассчитали, как далеко от земной поверхности лежит этот маленький грот,

по географической карте Южной Африки мы определили приблизительное его местоположение; к радости нашей, мы нашли, что он лежит как раз над глубокой котловиной, расположенной на границе Натали и Страны Зулусов, неподалеку от реки Тужелы. Только двести метров гранита отделили его своды от дна котловины. Конечно, наши вычисления и расчеты не были точны. Нам предстояло проверить их самым тщательным образом. Потом старик повел нас в кладовую, что была около кухни; она была полна инструментов. Там стоял хороший токарный станок, к сожалению, старой конструкции; там была электрическая кузница, тиски, сверла, наковальня, молоты разных размеров, напилки круглые, плоские, трехгранные.

Это должно было в сильной степени ускорить и облегчить нам работу. Обширные познания Марица, мои технические навыки и сноровка, страстное желание всех пятерых вырваться из подземной темницы — все это было верным залогом успешности нашего труда.

Нужно было разыскать и добыть необходимые нам руды и каменный уголь, выплавить железо, медь, свинец и олово, обработать их, отлить и выточить части машин и, наконец, собрать машины. Нужно было также найти какое-нибудь взрывчатое вещество, которое помогло бы работе наших буравов. Год ли, два ли продлится наша работа, этого мы не знали, но с энергией отчаяния мы принялись за дело.

IX.

ГДЕ МЫ?

Прежде всего нам нужно было проверить и более или менее точно определить местоположение грота и глубину его от поверхности земли. Мы решили сделать это следую-

щим образом: с одной стороны, взять за точку отправления Ньюкэстльские копи, географическое положение которых нам было точно известно, и установить, в каком направлении и на каком расстоянии от них лежит этот грот; с другой стороны, воспользоваться сообщающейся с морем пещерой: так как в двух сообщающихся водоемах вода всегда находится на одном уровне, мы могли считать, что вода в этой пещере лежит на уровне моря; таким образом, определив высоту грота по отношению к этой пещере, мы могли установить высоту его над уровнем моря. А это было все, что нам было нужно, потому что в атласе Дюфура, который был перед нашими глазами, высоты местностей над уровнем моря были точно отмечены, и разность между высотой поверхности земли над гротом и высотой грота над уровнем моря должна была нам дать толщину слоя, который нам предстояло пробить.

Мы починили как могли свою изодранную одежду, а Джиджетто залатал наши башмаки тюленьей кожей, которой у старика было очень много. Потом мы запаслись провизией, взяли с собой компас, ртутный барометр и тонкую веревку длиною в восемьдесят метров и двинулись в путь. Мы отправились в пещеру, сообщающуюся с морем, чтобы определить давление воздуха на уровне моря. Питер, самый осторожный из нас, нес барометр.

— Компас будет нам ни к чему, — сказал инженер, — если здесь где-нибудь поблизости есть залежи железяка; стрелка будет отклоняться, и компас будет давать неверные показания.

— Нет, — успокоил нас Хозяин, — насколько я знаю, более или менее значительные магнитные влияния заметны только в светлой пещере. Но для нее мне удалось составить таблицу отклонения стрелки, при помощи которой можно исправлять показания компаса.

Определив давление воздуха на уровне моря, мы повернули назад и дошли до небольшой пещеры, из которой было несколько выходов. Оттуда Хозяин повел нас к проходу в мертвую шахту Ньюкэстльских копей. Он повел нас новой, незнакомой нам галерей.

— Эта дорога значительно короче; если бы мы вернулись домой и оттуда прежним путем отправились к копиям, мы сделали бы большой круг. Кроме того, мне хочется показать вам эту часть моих подземелий — в ней есть очень много интересного. Вы уже видели в этих подземельях жизнь первичной и вторичной эпох. Сейчас перед вами откроются картины жизни предшествовавшей им примордиальной эпохи.

Мы прошли узкую покатуую галерею, свернули в боковой проход и очутились в небольшой пещере. Среди гранита и сланца лежало спокойное соленое озеро; маленькие живые существа копошились в нем среди мелких водяных растений.

— Вот, — сказал Хозяин, — одни из первых обитателей Земли. Они относятся к примордиальной эпохе. Эта эпоха делится на периоды: первым из них был период кристаллических скал, когда образовались древнейшие горные породы, по большей части граниты; во втором, лаврентианском периоде, появились первые признаки органической жизни; в следующем, камбрианском, появились первые водоросли и древнейшие черви; они значительно развились, изменили свою форму и строение в четвертом, силурийском периоде. Те существа и растения, что вы видите в этом озере, относятся именно к этому последнему периоду; от них и происходят все виды растений и животных, какие только существуют на земле.

Мы все улеглись на берегу у самой воды, опустили в нее наши лампы и стали рассматривать странных обитателей озера. Джиджетто умудрился выловить несколько наиболее крупных водорослей и животных.

— Глядите, — продолжал Хозяин, — как это растение похоже на наши водоросли! Как это похоже на наши прибрежные растения! Вероятно, оно покрывало подводные камни; когда вода постепенно отошла от берегов, ему пришлось приспособиться к жизни на суше. У него ушло на это, вероятно, не одно столетие; ведь примордиальная эпоха длилась громадное число веков! А это маленькое странное животное с продолговатым тельцем, покрытым тонким панци-

рем, с неуклюжими лапками-плавниками — как оно похоже на наших раков! Ученые дали ему имя птериготус. А вот это существо, вооруженное длинными щупальцами, наверное, прародитель нашей каракатицы. Сколько здесь морских звезд, морских ежей!

— Они все слепые! — воскликнул Джиджетто.

Мы пригляделись получше: действительно, ни у одного из обитателей озера не было глаз.

— Это вполне понятно, — сказал Мариц, — здесь во мраке им глаза не нужны. Вероятно, много, много тысяч лет назад, когда они жили под лучами солнца, у них были глаза. Но потом они от бездействия постепенно ослабели и исчезли.

— Неужели так? — удивился Котенок.

— Конечно, — отвечал Мариц. — Живые существа и растения очень сильно меняются в зависимости от условий, в которых они живут. Вспомни крота; ведь он тоже потерял зрение, когда оно перестало ему быть нужно; но, чтобы двигаться под землей, ему понадобились крепкие лапки с острыми когтями, тонкое осязание и острый слух; это все у него есть.

— Верно, у него лапки похожи на лопатки! — воскликнул Джиджетто.

— А если взять жирафу, — продолжал инженер, — ты видал, верно, на рисунках, какая длинная у нее шея. Почему это? Да потому, что родина жирафы — густые леса, где деревья тянутся к свету и где ветви и листья, которыми питается жирафа, начинаются очень высоко над землей.

Мы успели отдохнуть, встали и двинулись вперед. Мариц, продолжая разговор, шагая рядом с Джиджетто.

— Я только что сказал, что в густых лесах деревья тянутся к свету. Ведь это тоже приспособляемость! А те растения, что не могут дотянуться до солнца, либо умирают, либо, как мхи и лишай, научаются жить за счет других растений, потому что без света они не могут готовить себе пишу.

— А каким образом вообще началась жизнь на Земле? И откуда взялась эта Земля? — прервал инженера Котенок.

— Расскажи мне все, с самого начала.

— Это нелегкая штука, — улынулся Мариц, — слушай повнимательней.

Много миллиардов лет тому назад Солнце представляло собою громадный шар космической материи. Он был так велик, что мог бы вместить в себя всю теперешнюю Солнечную систему. Но он был очень неплотным; постепенно, вследствие притяжения частиц материи, из которой состоял, он уменьшался в размерах и становился плотнее. Этот громадный шар все время вертелся; и когда в каком-нибудь месте его образовывался сгусток плотной материи, этот сгусток вырывался как камешек, положенный на крутящийся волчок; оторвавшись от шара, он начинал двигаться вокруг него и, кроме того, вращаться. Каждый из этих оторвавшихся кусков стал планетой, а меньшие куски, оторвавшиеся уже от них, стали их спутниками.

Таким образом образовались Земля и Луна.

С течением времени Земля остыла и сгустилась: из газообразного тела она стала жидким телом. Когда она остыла еще больше, тонкая твердая кора покрыла кипящие расплавленные минералы. Потом, когда земля настолько остыла, что на нее стали оседать водяные пары, охлаждение пошло еще скорее: дожди падали, испарялись и отнимали у земли тепло; кора земная становилась все толще, но расплавленная масса, скрывавшаяся под ней, то и дело разрывала твердую оболочку и вырывалась наружу; вследствие не равномерного охлаждения кора давала трещины, и из каждой трещины били извержения вулканов.

Когда земля достаточно охладилась, все углубления ее заполнила вода; так образовались моря и озера. Густые облака водяных паров поредели, и сквозь них стало проглядывать солнце.

Страшные ливни, падая на голые скалы, размывали их, солнце к ветер помогали их работе; выветренные скалы рассыпались в песок, потоки уносили его на дно моря; а там от давления этот песок постепенно слеживался и становился твердым, как камень. Так и образовались с течением времени осадочные породы — гнейсы, сланцы и другие. Их

слои становились все толще и толще. Так, в Канаде найдены залежи их в триста тысяч квадратных километров, толщиной в восемь тысяч метров. И вот, там же, в Канаде, в бассейне реки Святого Лаврентия найдены были древнейшие ископаемые. Значит, в ту пору уже существовала жизнь, потому ту эпоху, когда зарождается на Земле жизнь, и называли лаврентианской.

Над этими первыми осадочными породами образовались постепенно и другие — аспидные сланцы, мелкозернистые песчаники, крупнозернистые песчаники, аспидные шиферы. В Англии их залежи достигают толщины в восемь тысяч метров; по месту, где находятся наиболее значительные залежи их, они названы камбрианскими породами.

Последние из горных пород, образовавшихся в примордиальную эпоху, были серые и кварцевые известняки, глинистый и красный шифер и составные из них породы. Они были названы силурийскими, по имени древних силурийцев, живших в той части Англии, где были найдены громадные пласты этих пород. В этих пластах найдены были окаменелые остатки водорослей и животных — точь-в-точь таких, какие живут и поныне в том маленьком озере.

Конечно, эти животные, как и животные, дошедшие до нас от двух предыдущих периодов, не были первыми на земле — до них, несомненно, существовали более простые, со студенистыми телами, не имевшие твердых оболочек, которые могли бы сохраниться в течение бесконечного ряда веков. Все же именно примордиальная эпоха была первым днем жизни. В том озерке ты видел только немногие ниточки водорослей, а сколько их было в те времена в морях! Громадные дремучие леса водорослей заменили тогда теперешние наземные леса. В Саргассовом море Атлантического океана мы теперь можем видеть, каких размеров достигают подводные растения.

— Откуда же взялись все эти растения и животные? — не вытерпел Джиджетто.

— Этого ученые до конца еще не знают. Все химические вещества, из которых состоят растения и животные, существовали в природе до зарождения жизни. Но как из них

создались первые живые клеточки — это покамест ускользает от нашего глаза. Ясно только, что жизнь зародилась в море; очевидно, для образования первых живых клеточек необходима была среда морской воды. Ты знаешь, верно, что мы с тобой тоже состоим из маленьких клеточек; и вот ученым удалось найти, что та жидкость, которая в нашем теле окружает самые простые клетки, по своему составу почти не отличается от состава морской воды!

Первые простейшие одноклеточные организмы стали жить, размножаться и развиваться; грань между растениями и животными, незаметная вначале, стала намечаться тверже и определенной. Появляются сложные, многоклеточные организмы, у которых каждая клеточка все больше и больше приспособляется к определенной работе.

Появляются животные, обладающие пищеварительной трубкой, они развиваются и дают начало губкам, полипам, медузам и моллюскам, кольчатым животным, червям; появляются лучистые животные, как морские звезды, наконец, разнообразные насекомые.

Клеточки-растения образуют водоросли, водяные мхи — нитчатки; от них потом произойдут мхи и лишай, предшественники плаунов и папоротников.

— Ну, — засмеялся Джиджетто, — у меня в голове уже такая каша, что ее век не расхлебаешь!..

Х.

ПЕРВОЕ ПРИЗНАНИЕ СТАРИКА

К нашему удивлению, через несколько часов пути мы вышли в давно знакомую нам светлую пещеру.

— Смотрите, — сказал Мариц, — как ясно видны здесь пласты следующей за примордиальной первичной эпохи! Среди гранитных масс пролегают голубовато-серые извест-

няки; здесь одновременно видны горные породы каменно-угольного и пермского периодов!

— Как же... — спросил Джиджетто...

Дальше я не слышал ничего. Что-то со страшной силой ударило меня по голове, из глаз у меня посыпались искры, я зашатался и упал без чувств.

Очнувшись, я увидел склонившееся надо мной бледное лицо старика. Он не сводил с меня глаз. Я чуть-чуть пошевелился.

— Что с тобой, дружок? — спросил он еле слышно. Я заметил, что лежу в постели в комнате Хозяина.

— Сильно у тебя болит голова? — спросил он снова. Я поднес руку к голове и почувствовал, что она забинтована. Тогда я вспомнил, как что-то ударило меня по голове и как я упал.

— Ты мечешься в бреду уже три дня.

— Что это было?

— Маленький осколок, сорвавшийся со свода!

— Только и всего?

— Да. Это был настолько маленький камень, что странно, как он мог ударить так сильно; очевидно, он упал с очень большой высоты.

— Вам из-за этого пришлось вернуться?

— Конечно! Мы принесли тебя сюда, приняли все возможные меры и дежури́м около тебя поочередно. Скоро Джиджетто должен прийти сменить меня. Если бы только бред больше не начинался!

Старик был очень взволнован.

Я спросил его, почему он так заботлив ко мне.

— Почему? Потому что я давным-давно знаю твою семью! Вернее было бы сказать, знал. Я из Ливорно, как и ты. Ты очень похож на свою мать.

Действительно, это было так.

— Но все-таки мне непонятно...

— Я тебе все расскажу. Но ты ни слова не говори об этом своим товарищам. Обещаешь?

— Обещаю.

— Я — Арриго Кобленца, близкий друг твоего отца.

— Неужели! Вы...

— Да. Мы вместе отправились в Гамбург. Но в Атлантическом океане на английском пароходе, на котором мы плыли, поднялся бунт, и экипаж выбросил за борт меня, твоего отца, капитана и его помощника.

— Что же стало с отцом? — спросил я старика.

— Что стало? Мы боролись со смертью весь день, плывя по очереди и по очереди поддерживая друг друга. Капитан и его помощник пошли ко дну как камень: их бросили в воду связанными. Мы же боролись. Потом твой отец вдруг ослабел и стал тонуть...

— А вы?

— Я собрал последние силы и продержался с ним на воде еще несколько минут. Потом — я потерял сознание. Но я был спасен.

— Кем?

— Это не имеет никакого отношения к тому, что тебя интересует.

Слезы сдавили мне горло. Я взял старика за руку и сказал:

— Спасибо за то, что вы сделали для моего отца.

У Хозяина на глазах блеснули слезы. Но вдруг он встряхнулся и принял спокойный вид: в соседней комнате слышались быстрые шаги.

Это был Джиджетто. Старик бросил на меня выразительный взгляд. Прощаясь с ним, я задержал на мгновение его руку, как бы говоря: «Не бойтесь. Не расскажу!»

* * *

Котенок на цыпочках вошел в комнату и спросил вполголоса:

— Как он себя чувствует?

Но когда он увидел, что я пришел в себя, и услышал мой ответ: — Хорошо! — он подскочил к кровати, обнял меня, поцеловал и воскликнул:

— Очень мило! Ничего лучшего ты не мог выдумать, как разбивать головой камни! Ей-ей, ты заслужил сахарную медаль! А все-таки это свинство — так пугать своих друзей!

Я остался с ним. Он начал болтать без умолку, и скоро его серебряный голосок, похожий на звук весеннего ключа, убаюкал меня. Когда я проснулся, у моей постели сидел Мариц; он вливал мне в рот ложку чудесного целебного бальзама.

Два дня спустя я был уже в состоянии встать с постели и выйти на площадку перед домом, где сидели мои друзья.

— Ай да молодец! Уже на ногах! — воскликнул Марсель.

— У меня, на счастье, голова крепка. Верно, завтра мы сможем двинуться в путь.

— Нечего заглядывать, там видно будет, — сказал Питер. Он блаженствовал, сидя на камне и пуская клубы сизоголубого дыма.

Котенок подсел к Марицу.

— Вы все равно ничего не делаете. Расскажите мне, как из первых водорослей и животных получились наши растения и звери. Неужели из этих несчастных червяков, что плавали в той луже, получились люди, ласточки, собаки, слоны и лошади? Как из этих ниточек выросли наши дубы и липы?

— То-то и дело, что они не сразу выросли. Эти маленькие кусочки жизни изменялись очень медленно и постепенно. Ведь, кажется, голубой цвет не похож на красный. А к вечеру, на закате, не разберешь, где небо перестает быть голубым и становится алым.

— Правда, — согласился Джиджетто, — если вечером посмотреть с Каррайского моста на запад, там небо красное-красное, а на востоке — светло-синее. Ох и хорошо же там!

— То же и здесь: первые растения и животные изменяются так постепенно, так незаметно, что перехода никак не уловишь. Ученые думают, что примордиальная эпоха длилась многие тысячи веков и что столько же времени прошло от нее до нас.

— Неужто так много! — изумился Джиджетто.

— Понимаешь, как за это время могли измениться живые существа! А ведь иногда изменения происходят очень быстро, даже на глазах у людей. Посмотри, как на глазах у садовника в несколько лет дикая гвоздика становится душистым махровым цветком! Как в течение нескольких десятков лет удается вывести новые породы лошадей!

— Все-таки трудно себе представить... — начал Питер.

— Ладно, я расскажу подробней. Извержения, выветривания, наложение песков продолжалось; в эту первичную эпоху образовались красные песчаники — их называют девонианскими.

Живые существа и растения размножались в воде и на суше.

В следующий период были сильнейшие извержения вулканов, и в воздухе вследствие этого появилось столько углекислого газа, что почти все животные на суше задохлись. Но зато пышно развернулась растительная жизнь, потому что для растений углекислота очень полезна. Тогда поднялись из земли могучие леса, из которых образовался потом каменный уголь. Этот период мы называем каменноугольным периодом первичной эпохи. Растения жили и изменялись; папоротники и плауны дали тогда начало хвойным деревьям...

— А животные? — перебил Котенок.

— Погоди. Растения дышат так же, как и мы, — вдыхают кислород и выдыхают углекислоту. Но одновременно с этим растения питаются. Питаются они, кроме различных минеральных солей, крахмалом; это их главная пища, и приготавливают они ее из углекислоты и воды. Солнце приводит в движение их фабрику; а когда пища готова, из углекислоты и воды сделан крахмал, остается отброс — кислород; его растение отдает воздуху. В результате питания и дыхания растения поглощают гораздо больше углекислоты, чем кислорода; потому громадные леса каменноугольного периода в течение долгих-долгих веков увеличивали количество кислорода в воздухе и уменьшали количество углекислого газа.

Таким образом воздух очистился, и на Земле снова появились живые существа.

— Значит, они не все умерли?

— Нет, в воде жизнь продолжалась. Самые совершенные из тогдашних животных, ракообразные и высокоразвитые черви спорили за право на существование; эта борьба вела к различным изменениям; у некоторых червей появилось нечто вроде плавника, мало-помалу появились существа, похожие на наших рыб. Сперва у них вдоль тела появился хрящ; постепенно появились не только хрящевые рыбы-черви, но уже настоящие позвоночные рыбы.

Но рыбам не всегда жилось безмятежно; иногда вода отступала, высыхала и им приходилось задыхаться на суше. Тогда появились амфибии — земноводные; они могли дышать и в воде, и на суше, плавники их также изменились и приняли вид лапок и ног. Скоро появились на Земле громадные, страшные архегозавры и лабиринтодонты. Другие же научились передвигаться и в воде, и по суше без помощи ног; так произошли будущие пресмыкающиеся.

— А откуда взялись люди? — не терпелось Котенку.

— Об этом мы поговорим в другой раз; хорошего понемножку, — ответил Мариц.

Прошел день, и я совершенно оправился и окреп. Можно было продолжать начатое дело — определение местоположения и высоты, на которой лежит грот, а тем самым — толщины слоя, отделяющего нас от желанного солнечного света.

Мы снова собрались в дорогу и отправились к Ньюкэстльской шахте.

Мы дошли до взорванной галереи и припомнили, насколько могли, направление пути от главной шахты копей до этого заваленного прохода. Мы все были согласны в том, что проход должен лежать на юго-запад от шахты; оставалось определить расстояние от шахты до прохода.

— Давайте припомним каждый в отдельности эту дорогу и запишем длину каждой галереи на листках бумаги, — предложил инженер, — иначе, если кто-нибудь сперва скажет вслух свой расчет, это собьет других с толку.

Так мы и сделали. Я записал на своем листке:

«Расстояние от начала заброшенной галереи до поворота — около восьми километров.

Расстояние от поворота до места, где мы ныряли, — сто метров.

Длина прохода, заваленного взрывом, — шестьдесят метров.

Весь путь от шахты до нас — восемь километров сто шестьдесят метров».

Оказалось, что у Марица получилась почти та же цифра, у Питера — восемь километров триста двадцать метров, у Марсея — около восьми километров, и только у Джиджетто цифра сильно отличалась от наших — он определил весь путь в пять километров.

Мы решили остановиться на цифре, бывшей у меня и Марица; таким образом географическое положение нашей точки отправления — заваленного прохода — было определено, и нам оставалось двинуться к маленькому гроту, точно измеряя веревкой длину пути и все время отмечая по компасу направление нашей дороги.

— Когда же мы будем строить машины? — не мог дожидаться Джиджетто.

— Погоди, еще нужно разыскать железную руду и каменный уголь, построить печь и выплавить железо, — сказал Мариц.

XI.

ИХТИОЗАВР

Вымеривая каждую пядь земли, не сводя глаз с компаса и не выпуская из рук карандаша и записной книжки, мы подвигались к гроту, которому суждено было стать по-

рогом к нашему освобождению. Мы миновали знакомые места и вошли в залитую светом пещеру.

— Видите, — сказал старик, — там, под самым сводом, черный пролом? Это и есть проход в тот грот. Придется нам вскарабкаться туда.

Это было нелегкое дело: приходилось лезть по почти отвесной стене, цепляясь за каждый выступ, за каждый камень; к счастью, в стене кое-где были трещины, которые могли служить опорой ногам. Головокружение здесь было бы совсем некстати. Выручал Джиджетто: он карабкался впереди всех и, поднявшись немного, брал у нас из рук ящик с барометром, потом ждал и, когда мы обгоняли его, передавал его нам снова, опять забирался выше и, уцепившись одной рукой за стену, держал в другой драгоценный прибор.

— Неужели вы здесь бывали? — спросил я Хозяина.

— О, еще сколько раз! Сколько лет я здесь бился, как мышь в мышеловке, ища выход!

Наконец мы добрались до небольшой площадки, скинули с плеч ранцы с картами, атласом, веревками, компасом, лампами и другими вещами и сели передохнуть.

— Вперед! — немного погодя скомандовал Хозяин.

Мы двинулись за ним. Идти стало легче; здесь можно было идти вдоль стены, по излому пласта песчаника, выступавшему из лежавших вокруг него слоев известняка; это была тропинка, которая подымалась кверху значительно менее круто, чем прежний путь. Прямо под нашими ногами расстилалось сверкающее озеро.

Местами тропинка суживалась, и двигаться приходилось боком, прижавшись грудью к скале; местами расширялась настолько, что можно было сесть, перевести дух и отдохнуть.

Старик шел впереди; я с удивлением увидел, как ловко он миновал опасное место, где стена выдавалась вперед и где очень легко можно было сорваться вниз, в озеро. В десятке метров от него был Котенок, рядом с ним — Марсель, метрах в пятнадцати от него был я с Питером, позади нас — Мариц. Бедный Питер обливался потом, неся за плеча-

ми ящик с барометром и стараясь уберечь его от толчков; я старался помочь ему.

Вдруг раздался крик. Я обернулся и оцепенел от ужаса: Джиджетто сорвался вниз!

Сверкающая вода была прозрачна и, казалось, едва покрывала каменистое дно.

«Он непременно разобьется! Мне туда не допрыгнуть!» — пронеслось у меня в голове. Я зажмурил глаза, услышал всплеск и сейчас же вслед за ним — второй.

Я взглянул вниз. Джиджетто неподвижно лежал на поверхности воды; чудовищный зверь, похожий на крокодила, плавал вокруг него с открытой страшной пастью; Марсель, одной рукой держа ранец с веревками, изо всех сил работал другой, стараясь держаться между мальчиком и чудовищем.

Зверь, заметив новую добычу, бросился к Марселю, выдвинув, как два коротких рога, странные глаза, вздымая хвостом сверкающие пенистые валы.

Марсель дождал мгновение, перехватил ранец в правую руку, швырнул его в пасть чудовища и в ту же минуту скользнул вдоль бока страшного зверя. Чудовище попыталось сжать челюсти, но не смогло; Марсель тем временем подоспел к неподвижно лежавшему Джиджетто и стал плыть с ним к берегу.

В это время раздался выстрел.

Это стрелял Питер, наполовину обернувшись, каким-то чудом сохраняя равновесие. Пуля его большого револьвера без всякого результата погрузилась в тело чудовища.

Между тем Марсель успел вытащить мальчика на камни. Я и Хозяин спустились немного ниже, на площадку, лежавшую над ними.

— Это ихтиозавр, — смог наконец вымолвить Мариц. Ихтиозавр успел уже проглотить ранец и с удвоенной быстротой бросился плыть к берегу.

Мы переглянулись. Что было делать?

Марсель отвязал револьвер с пояса Джиджетто, улегся за глыбой камня и стал ждать врага. Когда зверь был в двух шагах от скалы, он протянул руку и выстрелил, но пуля

стукнулась в кость над левым глазом чудовища, сплюснулась и упала, сильнее прежнего разъярив ихтиозавра.

Тут на площадку, где был я с Хозяином, спустились Питер и Мариц.

— Нужно скорее спустить ему револьвер! — воскликнул Питер.

Я сбросил рубаху, Питер выхватил нож, и мы в одно мгновение нарезали ее на полосы.

Между тем Марсель, ни на миг не теряя присутствия духа, пускал пулю за пулей в приближавшего зверя; наконец ему удалось попасть чудовищу в глаз, зверь начал кататься от боли, и Марсель едва успел отскочить в сторону.

Мы связывали полосы рубахи в одну веревку, но руки у нас дрожали, и это мешало нам работать.

Еще два выстрела, и Марсель выбил пулей второй глаз зверя. Слепое чудовище изогнулось и бросилось в воду. Марсель оттащил Джиджетто глубже на берег и спокойно глядел на корчи и прыжки зверя, на страшный хвост, рассекавший воду и взметавший кверху потоки пены.

— Марсель! Держи револьвер!

Он обернулся к нам. Мы привязали револьвер к концу веревки и стали осторожно спускать его.

Но тут ихтиозавр перестал бесноваться и поплыл к середине озера. Мы вздохнули свободней. Марсель бросился к мальчику и прижал ухо к его груди.

— Жив! жив! — закричал француз. — Он дышит! Он, верно, только оглушен ударом о дно!

Но тут мы услышали крик старика:

— Зверь возвращается!

Марсель подскочил и сорвал с веревки револьвер.

Ихтиозавр с бешеной быстротой плыл к берегу, тупо наткнулся на него, выскочил на сушу и стал метаться по берегу.

Марсель увернулся от страшного хвоста, подбежал, выстрелил в упор в кровавую глазницу зверя и бросился в сторону.

Это был конец: пуля пробила череп животного — ихтиозавр опрокинулся и стал недвижим.

Марсель брызнул водой в лицо Джиджетто, мальчик открыл глаза. Еще несколько минут, и он пришел в себя.

Теперь перед нами была задача: втащить наших друзей на площадку. Из рубах и штанов мы связали толстый крепкий канат, но он оказался короток — не хватало по меньшей мере трех метров. Мы грызли пальцы с досады.

Но Джиджетто, уже совершенно оправившийся, нашел выход: он взобрался Марселю на плечи, привязал к веревке свою куртку, сделал на конце каната петлю и ухватился за нее. Две минуты спустя он был на площадке.

Его штаны удлиннили канат настолько, что Марсель смог ухватиться за него и привязать к нему свою одежду. Он продел руку в петлю, и мы стали тащить его наверх. Но на половине подъема послышался жуткий звук: что-то трещало.

Марсель занял такое положение, чтобы в случае беды иметь возможность оттолкнуться от стены и прыгнуть в воду. К счастью, до этого не дошло: канат выдержал, и Марсель очутился между нами.

Мы все были утомлены до крайности и решили передохнуть, прежде чем идти дальше.

— Какой странный зверь этот ихтиозавр! — сказал Марсель, — тело у него, как у кита, пасть — крокодила, голова плоская, как у ящерицы!

— Он замечателен не только по внешнему виду, — заметил Мариц, — но и по своему строению: его позвоночный столб похож на позвоночник его предшественников — рыб, а грудная кость его очень напоминает грудную кость птиц. Несомненно, что ихтиозавр — предшественник теперешних пресмыкающихся, птиц и млекопитающих. Но изумительнее всего все-таки его глаза: они так устроены, что зверь видит так же хорошо ночью, как и днем, может выдвигать их, бросаясь на добычу, и втягивать в минуту опасности.

— Маленькое удовольствие встретиться со стадом таких зверьков! — воскликнул Джиджетто.

— Сомневаюсь, чтобы их было здесь много, — сказал Мариц, — это слишком неуживчивый народ, они постоянно нападают друг на друга и разрывают на части своих же

родичей; да и враги у них есть не маленькие — взять хотя бы плезиозавров!

— А посмотреть бы на такую драку! — сказал Джиджетто.

— Ну, знаешь, с меня хватит, — улыбнулся Марсель.

Так, в болтовне, незаметно прошло несколько часов. Мы отдохнули и со свежими силами двинулись вперед. После двух часов утомительнейшего подъема, измученные, голодные, с изломанными о камни ногтями, мы достигли желанного грота, свалились как мертвые наземь и крепко уснули.

Мариц, едва открыв глаза, взялся за карты; когда он сопоставил наши наблюдения и показания барометра с данными атласа, оказалось, что мы находимся на глубине ста шестидесяти четырех метров под котловиной, лежащей у реки Тужелы, на границе Наталя.

ХП.

ТРУД

Мы вернулись домой, передохнули и снова двинулись в путь — на этот раз в сторону Штромберга, где мы думали найти нужные нам руды и минералы. Железняк мы нашли очень скоро: при тщательном осмотре светлой части пещеры мы заметили, как резко скачет стрелка компаса; оказалось, что мы наткнулись на залежи магнитного железняка, содержащие до 70 процентов чистого железа. Также легко мы нашли и залежи каменного угля; зато много томительных дней ушло у нас на поиски медной и свинцовой руды, олова, платины, гипса и других минералов.

Тогда начались долгие месяцы жестокого упорного труда. Работа грузчика следовала за работой рудокопа, за постройкой доменной печи шло приготовление форм для ки-

пящего металла; работы литейщика, кузнеца, токаря, шлифовальщика, химика, электротехника сменяли одна другую. Мариц не уставал чертить детали и части машин, строить модели, выверять готовые приборы. Очень полезен нам оказался Котенок: его навыки и сноровка в самых разных ремеслах пришлось как нельзя более кстати.

Ряд конденсаторов лучей Герца, мощная динамо и могучая сверлильная машина были результатом нашего труда. Конденсаторы были установлены в светлой части пещеры, машины подняты в грот; медная проволока соединяла конденсаторы с динамо-машиной. Громадный алмаз — находка Питера — сверкал на конце бурава. Машины были пущены в ход — этот день был лучшим днем в нашей жизни. Бурав, свистя и скрипя, врезался в известняк, шипел и медлил, дойдя до гранитного слоя; порох, приготовленный нами в большом количестве, весело ухал и помогал работе машины.

Двадцать пять месяцев одиннадцать дней прошло с тех пор, как мы отправились к Штромбергу на поиски нужных нам минералов.

* * *

В наших невольных прогулках по подземному царству, мы убедились вполне в том, что мы были единственными его обитателями, единственными людьми, заброшенными в недра земли.

Отпечаток человеческой ноги, найденный нами в пещере, точно совпал с отпечатком ноги Хозяина: его след сохранился в течение нескольких лет вследствие полной и неизменной тишины воздуха и отсутствия дождей.

Произошло в это время еще одно очень важное для меня событие: старик рассказал мне свою историю. Он рассказал ее мне одному — в часы отдыха, в часы совместной работы, в те часы, когда мы вместе дежурили у сверлильной машины. Он рассказал мне ее не сразу, урывками,

понемногу, и его голос сливался то с клочкотанием расплавленного металла, то с размерным гудением динамо-машины, то со свистом нашего освободителя — бурава.

ХІІІ.

ВАЖНОЕ ПОРУЧЕНИЕ

— В 1864 году, — начал свой рассказ старик, — столица Италии была перенесена из Турина во Флоренцию. Это вызвало сильные волнения в Турине, которому в отношении развития промышленности это было невыгодно; ряд волнений, менее ожесточенных и менее кровопролитных, имевших совершенно другие причины и цели, поднялся в объединенных областях нового государства. Эти волнения вызваны были людьми, жаждавшими освобождения Рима от папского ига, которым казалось, что остановиться на Флоренции значит идти на уступки и понапрасну терять время.

Республиканская партия примкнула к ним. Но — потому ли, что народ устал от двадцати лет борьбы, потому ли, что носились слухи о возможном вмешательстве французов, если восстание докатится до Рима; потому ли, наконец, что народный вождь, Гарибальди, не мог двинуться с острова Капреры, — эти волнения не привели ни к каким результатам.

Тогда республиканская партия, к которой принадлежал и я, решила вызвать такое положение вещей, чтобы правительству пришлось занять Рим; в случае, если бы это не удалось, решено было собрать партию волонтеров, которая под начальством Гарибальди двинулась бы к Риму.

Ливорно недаром находится недалеко от Капреры: на нас лежала обязанность поддерживать связь с героем. Нет-нет, кому-нибудь да удавалось обмануть бдительность пра-

вительственного надзора, на легоньком челноке проскользнуть мимо наблюдательных судов и пробраться на остров.

В марте того же года республиканский комитет города Ливорно получил задание передать Гарибальди весьма важное для народного дела послание и значительную сумму денег. Это было поручено твоему отцу и мне.

Обычно поручения такого рода выполнял Карло Гаврелли, но за несколько дней до того его лодка была потоплена, и он погиб. Потому выбор пал на нас, лучших пловцов Ливорно; кроме того, как рядовые работники, мы могли меньше других опасаться полицейского надзора. Однако все же мы не могли оставить город без всякой видимой причины, нужно было выдумать предлог.

И твой отец, и я — мы оба были занятыми игроками, об этом знал весь город; этим-то мы и решили воспользоваться.

К нам в порт как раз пришел английский пароход, направлявшийся в Гамбург; Гамбург в то время славился своими игорными домами. Ничего удивительного ни для кого не было в том, что два старых игрока пользуются случаем отправиться поиграть. Капитан «Гринока» оказался сговорчивым человеком — мы взошли на пароход. У меня в сапоге лежало драгоценное письмо, у твоего отца в поясе — пачка английских чеков, которыми Гарибальди должен был расплатиться за закупленное им оружие.

«Гринок» отчалил к устью Бониграцио, чтобы оттуда держать путь на Гибралтар. Ночью, в виду Капреры, на море была спущена шлюпка; в ней был я с твоим отцом. Мы налегли на весла и поплыли к месту своего назначения. Но тут внезапно, как всегда, сорвался бешеный юго-западный ветер, и мы запрыгали с гребня на гребень, из провала в провал. Нас швыряло по волнам до утра, а утром мы были уже очень далеко от Капреры. Мы еле успевали вычерпывать из шлюпки воду. Этого было мало. Около полудня с бакборда показалось облачко дыма. Через час мы увидели военное судно, шедшее на нас на всех парах. Мы решили подплыть к нему — мы ничем не рисковали: бумаги наши были в порядке, мы ничем не навлекли на себя подозре-

ний; выдумать причину нашего возвращения было нетрудно. Но скоро мы услышали выстрел, и мимо нас пролетело ядро. Началось бегство — бесконечная скачка по волнам под непрекращающимся обстрелом. Вдали показалась Копрайя, тут ядро попало в цель, наша шлюпка пошла ко дну и мы остались одни на волнах. Отчаяние охватило нас, но мы не сдавались. Ветер, казалось, утихал, нам нужно было только продержаться возможно дольше. Мы помогли друг другу разрезать и сбросить одежду; я остался в сапогах, твой отец оставил на себе пояс, в котором был зашит кошелек с чеками. Настала ночь; мы плыли к востоку, по очереди поддерживая друг друга, стараясь расходовать возможно меньше сил. Один из нас лежал на спине, другой подталкивал его. На рассвете ветер утих, и море успокоилось. Но твой отец совсем обессилел, он посинел и стал захлебываться. Я напряг последние силы, чтобы поддержать его на воде, но мои усилия были напрасны: он скрылся под водой. Я сделал еще несколько взмахов руками, вода хлынула мне в горло, и я потерял сознание.

XIV.

ТОТ, КТО ВЫПОЛНИЛ ПОРУЧЕНИЕ

Я открыл глаза и увидел, что лежу в комнате, ярко освещенной небольшой лампой, висевшей под потолком.

Мне припомнилось сразу все — данное нам поручение, военное судно, крушение шлюпки; первое мое движение было — посмотреть, связан ли я.

Нет, я был свободен и лежал в удобной постели.

Я вспомнил о письме, которое нужно было передать Гарриальди. Где мои сапоги? Верно, кто-то успел прочесть послание и узнать драгоценную тайну.

«Где я? На военном корабле?» — мелькнула у меня мысль.

Нет, комната, в которой я лежал, была велика, а каюты на военных судах бывают обычно очень маленьких размеров. Да и мебель была красивей и удобней, чем обычная корабельная. Кровать была железная, с матрацем, с простыней, с одеялом, стол — письменный, у стола — стулья.

Лампа лила мягкий, ровный свет: это был не керосин, не газ, не масло — скорее, электричество.

Я готов был вскочить на ноги, когда открылась дверь, которой я прежде не заметил — верно, потому, что она была того же цвета, что и стены; вошел невысокий коренастый человек. Он принес мне одежду.

— Скажи, братец, где мы? — спросил я его.

Он взглянул на меня, но, не ответив ни слова, повернулся к выходу. Что он, глухой? Я спросил погромче:

— Где мы, товарищ?

Молчание. Дверь захлопнулась, и я остался один.

Я взял принесенную им одежду. Все — рубаха, кальсоны, куртка, штаны — было сшито из простой сероватой материи. Только я стал одеваться, немой вошел снова и поставил у постели высокие сапоги. Они были сделаны из тюленьей кожи и походили на сапоги китоловов.

Одевшись, я подошел к двери. Она была заперта — я был в плену.

Но где?

Я заметил, что не чувствуется ни качки, ни обычной на пароходе во время движения дрожи. Значит, судно причалило к берегу?

Сколько же времени я пролежал без сознания?

Я прикоснулся к стене; она была металлической. Но ведь на судах, даже военных, не делают между каютами перегородок из металла! Да и одежда моя не была похожа на морскую форму.

— Где же я? Где же я?

Дверь отворилась, и вошел высокий, сильный человек лет сорока; мне бросилось в глаза бледное открытое лицо, обрамленное черной бородой, живые глаза и высокий лоб.

— Добрый день, гражданин! — воскликнул он по-итальянски, со странным выговором. Он приветливо улыбался.

— Я в плену? — спросил я его.

— Вы — на борту свободнейшего в мире судна!

— Где мои сапоги?

— Герой уже получил письмо и десять тысяч лир.

— Вы спасли и... Он жив?

— Ваш спутник погиб. В письме было сказано о десяти тысячах лир; эта сумма вручена Гарибальди.

— В таком случае...

— Это вас не касается.

— Я свободен?

— Это зависит от точки зрения. Вы можете считать себя пленником, поскольку вы лишены прежней независимости; с другой стороны, вы можете пользоваться свободой, какая вам и не снилась.

— Я не понимаю. Вы говорите загадками.

— Вам станет все ясно очень скоро. Вы, верно, голодны.

Он нажал кнопку у дверей, и через пару минут мой прежний знакомец внес тарелку с дымящимся кушаньем. Я набросился на еду как зверь.

Потом мой собеседник стал расспрашивать меня о положении в Италии. Я заметил, как огорчают его рассказы о затруднениях и препятствиях к полному освобождению страны от угнетателей.

— Счастливы вы! Освободить страну от ига! — воскликнул он вдруг с жаром.

— Скажите, откуда вы родом? — спросил я его.

— Моя родина — почти весь свет, — ответил он.

— Как вас зовут?

Он помедлил минуту, прежде чем ответить:

— Дхарматма.

Когда я кончил есть, он встал и сказал:

— Теперь идемте, посмотрите то, что будет вашей тюрьмой или вашим жилищем.

Мы вышли из комнаты.

Узким коридором мы прошли в просторную обеденную залу; длинный стол стоял посередине, вдоль стен тянулись

высокие дубовые шкафы, полные прекрасной посуды. Свет, лившийся от трех небольших ламп, подвешенных под потолком, разбивался о блестящие блюда, тарелки и стаканы, и прихотливые зайчики бегали по всем углам комнаты. Пройдя столовую, мы вошли в библиотеку. Тот же странный белый свет струился с потолка; массивные полки палисандрового дерева были заполнены громадным числом книг; мягкие диваны стояли вокруг длинного стола, заваленного журналами. Мой собеседник предложил мне сигару. Я затаился.

— Какой чудесный вкус! — воскликнул я. — Где вы достаете эти сигары?

— Там, где их еще никто не доставал.

Мое удивление росло с каждой минутой. Мы вошли в комнату, еще большую, чем те, где мы были прежде. По стенам висели полотна лучших мастеров; белоснежный мрамор и вечная бронза приковывали взгляд. Дхарматма с улыбкой смотрел на мое изумление.

— А как вам понравится это? — спросил он меня.

Совершенно неожиданно комната погрузилась во мрак; что-то скрипнуло, как будто открылась задвижная дверь, и два больших окна появились перед нашими глазами; зеленовато-синяя прозрачная стена скользила мимо окон, заливая комнату бледным матовым светом. Большая рыба метнулась перед окном и исчезла. Судно опускалось в глубину!

ХV.

ВОСПОМИНАНИЯ

Я не удержался и прервал рассказ старика. Мы сидели на глыбе гранита, следя за огнем в доменной печи. Руда начала плавиться, и слышно было глухое клокотание металла.

Когда я услышал слова: «Судно опускалось в глубину!», — ряд воспоминаний прорезал мой мозг, и я воскликнул:

— Этот корабль был «Наутилус»! Человека звали капитан Немо!

Старик на мгновение оцепенел от изумления, потом вскочил на ноги и схватил меня за руку.

— Как ! Ты... ты... ты его знаешь?

— Нет, — ответил я, оторопев, — весь свет знает, кем был капитан Немо и что стало с его судном...

— Стало... Он погиб? — воскликнул старик, вздохнув.

— Да, много лет назад, в Океании.

Хозяин зашталкался и чуть не упал. Он схватился за сердце и опустил на камень.

— Так ты говоришь, что он умер?

Две крупных слезы скатились по щекам старика.

— Как это случилось?

Я рассказал ему, как умер этот необыкновенный человек и кто поведал о его чудесной смерти. Несколько смельчаков бежало во время американской войны за независимость из Ричмонда на воздушном шаре; их постигло крушение, и только немногие из них спаслись, добравшись до потухшего вулкана в Тихом океане, окрестили его островом Линкольна и поселились на нем. Какая-то неведомая, чудесная сила незримой рукой помогала им в их трудной жизни. Однажды один из них, инженер Смит, получил таинственное послание; чтобы исполнить заключающуюся в нем просьбу, Смит с товарищем отправился в указанное место, и в небольшой бухте они увидели «Наутилус». Капитан Немо, одинокий, умирающий, был внутри. Он рассказал им свою жизнь и скончался.

Я припомнил и рассказал Хозяину также и то, что было известно от профессора Ароннакса, его слуги и китолова Нед-Ланда об их жизни на «Наутилусе» и о том, как им пришлось побывать в водовороте Мальстрема на подводной лодке.

Марсель и Питер сменили нас в тот день у топки, мы вернулись к товарищам и прервали разговор. Мариц, пользуясь отдыхом, рассказывал любознательному Котенку, как

от пресмыкающихся отделилась ветвь, давшая начало птицам, как появились на Земле простейшие из млекопитающих и как, путем долгого, медленного развития, была пройдена лестница от них до наиболее высокоорганизованного живого существа — человека.

XVI.

ПЛЕННИКИ ОКЕАНОВ

— Я спросил Дхарматму, — продолжал свой рассказ Хозяин несколько дней спустя, — каким образом ему удалось спасти меня от смерти.

— Я был вблизи Сардинии, — ответил он, — когда увидел, как английский пароход остановился и спустил шлюпку. Вы стали грести к Капрере и скрылись из виду. Между тем на горизонте появилось итальянское военное судно — тюремщик Гарибальди. Англичанин послал к нему шлюпку, которая сейчас же вернулась назад. Мне стало ясно, что вы пробирались к герою, и капитан английского судна донес о ваших намерениях. Я ждал шквала и пошел вам на помощь. Буря помешала мне найти вас вовремя: когда я ударил носом «Наутилуса» о борт военного судна, ваша шлюпка была уже разбита. Вы затерялись в волнах, и, когда я разыскал вас, было уже поздно: помощь была нужна одному.

Я прочел письмо, взял курс на Капреру и передал Гарибальди письмо и деньги.

— Вы с ним знакомы? — спросил я капитана.

— Я его знаю очень давно. Когда я рассказал ему о том, что с вами случилось, и о предательстве англичан, он был вне себя от возмущения и просил передать вам привет.

— Я могу вернуться на родину, капитан?

— Нет, мой друг. На моем корабле есть один закон: тот, кто попадает на «Наутилус», остается в нем навсегда. Это необходимо для нашей безопасности. Вам остается выбрать — быть ли нашим гостем-пленником или братом.

Это было все. Дхарматма повернулся к выходу и оставил меня одного.

У меня в голове была полная путаница. Оставаться до конца своих дней в этой стальной тюрьме мне казалось мало заманчивым. Слишком крепко был я связан со своей родиной. С другой стороны, я угадывал, сколько есть привлекательного в жизни этих отважных жителей морских глубин. Всю ночь я ворочался с боку на бок, то вспоминая родные улицы Ливорно, любимую жену и детей, то представляя себе чудеса подводного мира, раздумывая о том, что, пожалуй, на «Наутилусе» можно больше принести пользы народному делу, чем в самой Италии.

Поутру послышался стук в дверь. Вошел капитан Немо.

— Зайдите, Кобленца, в комнату, где картины. Я покажу вам кое-что интересное.

Я вскочил с постели, оделся и пошел к нему. Едва я вошел в картинную галерею, «Наутилус» стал опускаться. Комната погрузилась во мрак, потом ставни отодвинулись, и сквозь толстое стекло окон я увидал морское дно.

Яркие снопы света прорезывали темную толщу воды и освещали волшебную картину. Остовы изломанных галер громоздились причудливыми грудками: иные — почти целые, оплетенные водорослями, обросшие раковинами, иные — измолотые в щепы вековыми ударами воды. Среди обломков работало человек десять в костюмах водолазов. Они вытаскивали из груд мертвых галер черные ящики, бочки и сундуки. У одного из них ящик вырвался из рук и разбился; большие золотые слитки и дождь сверкающих монет рассыпался по песку.

У меня, старого игрока, захватило дыхание. Проклятая страсть к золоту ударила мне в голову. Я закрыл глаза, но, казалось, продолжал видеть сверкание золота.

— Это испанские галеры, — вдруг сказал мне капитан Немо. — Они возвращались, груженные золотом, из Амери-

ки; французский адмирал Шато-Ренар, сопровождавший их, пустил корабли ко дну, чтобы их драгоценный груз не достался англичанам и голландцам. Это было 22 октября 1702 года.

У меня стучало в висках, и в ушах звенело одно слово: золото! Мое решение было готово: я поживу некоторое время жизнью этих подводных скитальцев, а потом, когда мне надоест бороздить моря, выберу подходящую минуту, запасусь золотом и убегу с «Наутилуса». Ведь это так просто! Если бы я был, скажем, одним из людей, работавших среди скелетов галер, что помешало бы мне понемногу отдаляться от них, с мешком золота на плечах, достичь берега и стать снова свободным человеком? Не только свободным, но и... Золото! — звенело у меня в ушах.

В тот же вечер я сказал капитану, что предпочитаю участь друга участи пленника. Долгие годы мне суждено было раскаиваться в этом поступке. Капитан Немо не заподозрил в моем решении никаких задних мыслей; он дал мне время поразмыслить, но мое решение осталось неизменным.

— Будь же другом! — воскликнул напитан.

Он повел меня к корме судна, в свою комнату. Его каюта была полна различных инструментов и приборов, необходимых при подводном плавании. По стенам были развешаны портреты борцов за свободу — здесь был поляк Костюшко, грек Бацарис, ирландец О'Коннель, американец Вашингтон, защитник негров Броун и многие другие. Над постелью висел портрет молодой женщины с двумя мальчиками: это были жена и дети капитана Немо — Дхарматмы, как звали его на родине, в Индии; они погибли от рук англичан во время повстанческого движения.

Капитан усадил меня напротив себя и стал рассказывать мне, как он со своими друзьями бороздит вдоль и поперек морские глубины, изучая никому неизвестную жизнь океанов. Полная свобода, возможность обходить земной шар из конца в конец была открыта им. Глубокая дружба связывала экипаж «Наутилуса», состоявший из четырнадцати человек; правильное распределение труда давало возможность

без особенных усилий справляться со всеми необходимыми работами.

Собранные на дне морей богатства капитан Немо со своими друзьями передавал комитетам и вождям освободительных движений, в какой бы стране они ни происходили. Велась ли борьба за освобождение народа от ига чужеземцев, шла ли борьба между рабочими и их угнетателями — экипажу «Наутилуса» было безразлично: он спешил на помощь. Жесточе всего капитан Немо ненавидел колонизаторов-англичан; он называл их пожирателями народов и стран. Он рассказал мне, как недавно ему удалось сильно повредить и заставить вернуться в Плимут большое транспортное судно, отправлявшееся с войсками в одну из бесчисленных британских колоний для подавления вспыхнувшего там восстания.

Когда Немо говорил о борьбе за свободу, он весь преобразался: его черные глаза горели, тонкие губы сжимались, он становился как будто еще выше ростом.

Потом он подробно познакомил меня с устройством «Наутилуса», с условиями и трудностями подводного плавания, с опасностями, которым приходится подвергаться в морских глубинах.

— А теперь пора вам повидать моих друзей, — сказал Немо.

Мы пошли в картинную галерею — место отдыха и собраний экипажа «Наутилуса». Четырнадцать рослых, мужественных людей ожидало нас там — все обитатели судна были в сборе. Лица разных национальностей, открытые, смелые, бросились мне в глаза.

Весь экипаж судна говорил на простом, легком международном языке, выдуманном капитаном Немо; мне предстояло научиться ему. Я понял только отдельные слова из речи, с которой обратился Дхарматма к своим друзьям; потом они обступили меня и стали приветливо здороваться. Капитан Немо знакомил меня с каждым из них. Там было четверо индусов — товарищей Дхарматмы еще по восстанию сипаев; трое ирландцев, зачинщиков мятежа, бежавших из лап английского правительства; два французских ре-

волюционера, спасавшихся от преследований Наполеона III; польский патриот; русский революционер, ускользнувший из сибирской тайги; грек; испанец, боровшийся против гнета духовенства; наконец, худощавый, сутулый негр, главарь повстанческого движения в Луизиане.

День спустя я взялся за починку резервуара для воды; из комнаты, где я провел первые дни, я был переведен в каюту на корме, где помещался весь экипаж. Короче говоря, я стал одним из пятнадцати.

XVII.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И КАРА

Жизнь подводных скитальцев, отважных ценителей океанов, никому неведомых борцов за свободу увлекла меня с головой. Я не замечал, как проходит время.

Ирландия, Новая Земля, Антильские острова, Индостан, Суматра... Крайний Север, тропики, необитаемые островки, восходы солнца на безбрежной глади океана, сумрачно багровые подводные закаты — все смешалось теперь в моей памяти в одно ослепительно яркое пятно.

Четыре года или около того я пробыл на «Наутилусе» и устал. Устал от вечных скитаний, от тоски по родине, от бесприютности, от четырех стальных стен моей каюты. Все та же корма, все тот же нос, все те же пятнадцать спутников. Все мои воспоминания, вся жизнь была связана с родными улицами Ливорно, с так давно, так давно оставленной женой, с детьми, с друзьями, с привычной работой и с привычным отдыхом.

Да, настала для меня пора бежать с «Наутилуса». Наше судно снова держало курс на бухту Виго, где громоздились на дне обломки испанских галер. Часть друзей должна была остаться на борту. Грек Канариоти, Могаммед и

Бозэ, индусы, ирландец О'Коннель, поляк Семирадский, испанец Игаррас и я — мы должны были спуститься на груды кораблей за золотом.

Мне не спалось.

Еще несколько часов, и я брошу моих товарищей, с которыми пережил столько тревожных минут, преодолел столько опасностей! Брошу Могаммеда, который спас меня от акулы, бросившись между мной и ею и распоров ей брюхо своим кривым ножом; брошу молчаливого, грустного капитана Немо...

— Попросить его, чтобы он оставил меня на борту? — мелькнула у меня мысль. Нет, у меня не хватало сил.

Мне было зябко от недосыпа, голова была тяжелая, и на душе у меня было нехорошо. Мы оделись в водолазные костюмы, наши друзья закрутили гайки шлемов, привели в порядок воздушные аппараты, привязали к нашим поясам катушки Румкорфа, подававшие свет нашим фонарям и опустили нас в воду.

«Наутилус» пронизывал воду яркими снопами лучей; неподалеку от нас чернели причудливые груды мертвых галер. Мы подошли к ним и принялись за работу.

Я спустился в трюм громадной галеры, взвалил на плечи ящик, который на суше был бы не им силу и для троих, и поднялся на палубу. На корме кто-то из моих товарищей пересыпал желтые монеты из бочонка в мешок.

Я поднял топор и ударил им по крышке ящика. Послышался глухой, тихий звук. Еще удар — и дождь больших золотых монет посыпался на палубу галеры.

У меня закружилась голова, я не мог оторвать взгляда от блестящих, манящих кружков. Это было старое, привычное очарование. Наконец я очнулся. Мой товарищ по-прежнему продолжал работать; мы были далеко от других галер; песчаное дно с легким уклоном подымалось к востоку.

— Восемьдесят метров глубины... четыре километра до берега... — промелькнуло у меня в голове.

Дрожащими непослушными руками я стал сгребать в мешок старинные монеты: когда мешок был полон, я взвалил его на плечи, оглянулся еще раз, спустился с корабля

и зашагал по волнистому песку к берегу, прочь от «Наутилуса».

Сердце мое выстукивало частую дробь. Широкими шагами я двигался вперед, изогнувшись под тяжестью моей ноши, не думая ни о чем. Я знал одно: мне нужно спешить, спешить и спешить. Берег должен был быть уже недалеко: вода становилась все прозрачней, все светлее.

Я удвоил шаг и обернулся назад.

Мое бегство было замечено. Трое из работавших на галерах пошли за мной вдогонку.

Я торопился что было сил, прорывался, задыхаясь от изнеможения, сквозь прозрачную вату воды. Но мои друзья были свежее меня: они быстро шли вперед, мало-помалу догоняя меня.

Вот они уже близко.

Я сбросил мешок и, сжав топор, стал впереди него.

Товарищи, делая мне знаки руками, приближались. Но я ничего не понимал. Густой туман плыл у меня перед глазами, кровь бешеной волной стучала в висках.

Один из водолазов был впереди. Когда он подошел ко мне, я узнал его — это был Игаррас. Но я забыл о дружбе, забыл о том, что это Игаррас, поднял топор и опустил его на шлем того, кто стоял между мной и свободой. Вода окрасилась кровью; пузырьки воздуха широкой струей метнулись кверху; Игаррас, мертвый, упал на песок.

Я готов был броситься на других моих преследователей, когда тяжелая струя жидкости залила мне горло; чтобы обезвредить меня, мои друзья перерезали трубку, кормившую меня воздухом...

* * *

Когда я пришел в себя, я увидел, что лежу в каюте «Наутилуса».

Сознание вернулось ко мне, холодным ужасом наполнив мою душу. Я был страшен самому себе. Что было это

— безумный кошмар или явь? Мне жутко было пошелокнуться.

Бародда и Могаммед, понурые, сгорбившиеся, молча вошли в каюту. Я пошел за ними в комнату наших собраний

Весь экипаж судна ждал меня. Дхарматма, осунувшийся, потемневший, взглянул на меня и сказал:

— Несчастный! Что ты сделал!

Мне было все безразлично. Лицо Игарраса и столб кровавых пузырьков воздуха стояли перед моими глазами.

Я рассказал капитану и всем товарищам, как я устал от тюрьмы «Наутилуса», как решился бежать, с какой жадностью думал о жизни на земле, об обладании золотом и богатством. Я понимал, что совершил непоправимое. Только самое жестокое искупление могло облегчить тяжесть, навалившуюся мне на плечи.

Товарищи молчали.

Что было потом?

Многие, многие дни, недели, месяцы я пробыл безвыходно в той каюте, где очнулся от чар золота и кровавого бреда. Два раза в день мне приносили пищу.

Потом вошел Дхарматма. Он знаком велел мне встать. Мне завязали глаза и куда-то понесли на носилках. Я чувствовал, как меня несли по сходням, потом по сухой земле. Наконец это странное путешествие кончилось. Меня поставили наземь, и я услышал шаги удалявшихся товарищей. Потом послышался тихий, строгий голос Дхарматмы:

— Слушай, Кобленца. Природа создала в недрах земли громадное сплетенье пещер. В эти подземелья есть один вход — он лежит на глубине сорока метров под водой, и только через этот слой воды можно выйти из этих пещер. Мною сложены в них бесчисленные богатства. Здесь ты будешь совершенно свободен, у тебя будет сколько угодно золота. Ты будешь один, и у тебя будет время подумать о том, что ты сделал. Гляди!

Он снял с моих глаз повязку, и я увидел ту пещеру, где лежат груды золота и драгоценных камней. Высоко над нами слышался плеск волн. Все во мне дрожало. Я посмотрел на капитана Немо и сказал:

— Хорошо, Дхарматма. Я заслужил это.

Он зажег фонарь, и мы прошли лабиринтом коридоров к моему новому жилищу — вернее, к моей гробнице.

Видно было, что там только что была окончена работа. Стены были сложены и выбелены, вещи, взятые с «Наутилуса», были расставлены по комнатам. Мои друзья ждали меня там.

— Сегодня, — сказал Дхарматма, — для тебя начнется искупление. Пусть придет день, когда ты сможешь очиститься в своей вине перед человечеством.

Он подошел ко мне и поцеловал меня в лоб долгим-долгим поцелуем; так целуют мертвых. Товарищи, один за другим, попрощались со мной и вышли. Я проводил их глазами и остался один.

Было мгновение, когда я бросился к двери вслед уходившим; но потом лицо Игарраса встало передо мной, я осилил себя и опустил на диван.

* * *

Сколько времени просидел я, припоминая свою жизнь, тысячи мелочей, которых больше никогда не увижу? Далекий солнечный свет, шелест полей, запах лесных фиалок, лица любимых... Потом страшные минуты моего бегства снова встали в моей памяти. Да, я должен жить, должен искупить годами тоски мое преступление, смыть одиночеством кровавое пятно с моей души. Я встал, обошел мое жилище, нашел пищу и поел, вышел на площадку, увидел впервые огненный дождь и сверкающее озеро; потом вернулся домой. Я взглянул на часы-календарь, висевшие на стене. Было 12 апреля 1870 года!

* * *

Годы шли, но не приносили мне облегчения. Жажда по солнцу, по людям росла, и я стал искать выход из подземелий. Я искал его упорно, не останавливаясь ни перед какими препятствиями, ни перед какими опасностями. То я метался, как безумный, из пещеры в пещеру, то тщательно вычерчивал планы подземелий, осматривая пядь за пядью каждую пещеру, каждый проход, каждую расселину. Тщетно! Когда я увидел, что все мои усилия бесплодны, отчаяние овладело мной, и я стал тихо ждать избавительницы-смерти. Но вместо нее пришли вы. Если хоть как-нибудь я сумею помочь вам вырваться из этой тюрьмы, я смогу умереть спокойно.

XVIII.

ЗВЕЗДЫ!

Так, вперемежку с работой, старик рассказал мне историю своей жизни.

Мы перенесли все необходимое в маленький грот и работали беспрерывно, день и ночь, останавливая сверлильную машину только для того, чтобы взрывом расширить туннель, пробитый буравом. Если бы мы могли пробивать толщину гранита по прямому направлению кверху, мы скоро одолели бы те сто шестьдесят четыре метра, что отделяли нас от солнца. Но у нас не было возможности поднимать сверлильную машину в отвесном колодце все на большую и большую высоту; и нам приходилось пробивать дорогу спиралью. А подымаясь кверху спиралью, мы должны были пробить, по расчетам Марица, около 1560 метров туннеля, проработав, в лучшем случае, шесть лет.

Однажды я спал сладким сном в глубине маленького грота, когда оглушительный крик Джиджетто разбудил ме-

ня. Он прыгал, скакал, размахивал руками, как сумасшедший, крича захлебывающимся голосом:

— Вверху... там... беги... звезды!

Я бросился за ним. Он несся по галерее, я не поспевал за ним. Недалеко от сверлильной машины я наткнулся на Марселя и чуть не сшиб его с ног.

— Марсель, в чем дело?

— Свободны, спасены! — ответил он, бросившись обнимать меня.

— Свободны? Не может быть!

— Да, да, беги, смотри.

Я подбежал к сверлильной машине, протиснулся в только что пробитую часть туннеля и увидел в вышине ясные серебряные звезды.

— Звезды!

Мы наткнулись на расселину, на узкую трещину в толще скалы! Она имела больше ста метров в длину, около метра ширины внизу, еще меньше у поверхности земли.

Бесконечная радость охватила нас. Свобода была пред нами, оттуда, из далекого пролета колодца улыбалась нам светлыми глазами. Сколько мучений, сколько лет томительного труда счастливый случай унес с нашей дороги!

— Но ведь теперь должен быть день, — сказал я Марицу. — Неужели наш календарь неправилен?

— Нет, — ответил инженер, — то, что мы видим звезды, вовсе не значит, что теперь над нашими головами ночь. Мы смотрим на небо, как через громадную трубу телескопа; солнечный свет не доходит до нас и не мешает нам видеть лучи звезд.

— Как мы теперь выберемся отсюда?

— Марсель пошел за железными прутьями — нам нужно будет устроить передвижную лестницу.

Не дожидаясь прихода Марселя, мы взялись за молотки и резцы и стали выбивать в стенках колодца углубления для прутьев. Скоро пазы для трех ступеней были готовы. Марсель подоспел с прутьями, мы вставили их в углубления и стали высекать ступеньки выше и выше, на расстоянии полуметра одна от другой. Когда запас наших пру-

твев кончился, работа стала труднее: нужно было спускаться, вынимать из насечек нижний прут, подыматься с ним кверху, укладывать новую ступень, снова спускаться, выдерживать прут, и опять карабкаться кверху. Это было очень утомительно и мы с лестницей провозились долгих четырнадцать дней. Труднее всего было повторять эту гимнастику, кончив работу и спускаясь на отдых. Мне выпало счастье вырубить насечки для последней, двести девятнадцатой ступеньки.

Я первый высунул голову из расселины и бросил взгляд на долину, где бежала река Тужела. Небо было залито дымчато-розовыми лучами заката. Солнце громадным пылающим шаром садилось вдали, за холмами, и немая, не нарушаемая тишина сковывала меркнувший воздух. Ласковый рокот Тужелы только усиливал эту сумрачную тишину.

У меня закружилась голова от счастья, и я должен был немножко передохнуть, прежде чем спускаться к моим друзьям.

На следующий день мы отпраздновали окончание работы великолепным обедом. Торжество происходило в том же маленьком гроте, где мы провели столько месяцев в изнурительном труде. Джиджетто совсем уморил нас своими шутками; мы хохотали до упаду. Даже у степенного Питера выступили на глазах слезы от смеха.

— Пора вылезать, — воскликнул наконец Котенок, — ведь не для того земля треснула, чтобы мы здесь сидели!

Действительно, пора было нам распрощаться с подземным царством.

ХІХ.

НА ЗЕМЛЕ

Наполнив наши пояса золотым песком и драгоценными камнями, вооружившись ружьями и револьверами с «Наутилуса», мы вышли из туннеля, задвинули проход каменной плитой, завалили глыбами гранита и начали подыматься наверх. Вшестером это было гораздо легче — нижние передавали верхним железные прутья, и через двадцать минут Джиджетто выскочил на землю, поросшую редким кустарником; за ним последовал Мариц, за Марицем Марсель, после него Питер, потом Кобленца и я.

Солнце сверкало в ясном небе; легкий ветерок пахнул теплым запахом трав.

Старик, ступив на землю и увидев солнце, зашатался и вскрикнул; мы, сразу опьянев, опустились на траву. Долго мы лежали не двигаясь, всем существом вбирая солнечный свет, ласковый ветер, запах горячей земли и щебет птиц. Я закрывал глаза и сквозь веки смотрел на солнце: земля, казалось, то опускалась, то подымалась, сладко убаюкивая меня.

Потом мы встали, полной грудью вдыхая живительный воздух, вынули из трещины прутья и спрятали их, глубоко воткнув в землю. Мы завалили отверстие расселины глыбами земли и двинулись в путь, на север.

Наконец-то наши ноги ступали по земле, над нашими головами было безграничное небо! Такая же безграничная радость заполняла наши сердца.

Мы не представляли себе, сколько скитаний и горя ожидало еще нас на земле!..

В то время Южная Африка кипела восстаниями победоносных буров, не желавших мириться с жестоким господством победителей-англичан. Мы не могли не принять участия в этих восстаниях. Из многих опасных положений, из

многих сражений, где все мы держались вместе, мы выходили целыми и невредимыми.

Но вот в одном ужасном бою, когда сам я был только легко ранен, мои друзья — Мариц, Питер, Марсель — были убиты. Их тела я нашел на поле сражения, а дальше, под грудой трупов, я наткнулся на умирающего Кобленцу. Я принял последний вздох старика и его завешание — истратить богатства Дхарматмы на дело помощи революции.

Оправившись от раны и тяжелого потрясения, вызванного потерей друзей, я с трудом разыскал Джиджетто, которого потерял на поле битвы, и мы в конце концов благополучно прибыли на родину. Котенку не терпелось увидеть родные улицы Сан-Фреддиано, Свежих-Сладких с женой, и он отправился во Флоренцию.

Я же скоро был среди своих родных, в старом привычном Ливорно, где меня считали уже погибшим.

Прошли годы. Я распорядился своим богатством так, что Кобленца и сам Дхарматма были бы довольны. Джиджетто теперь со мной здесь, в Ливорно, через несколько дней мы с ним отправляемся снова в путь.

Придет время, и я смогу рассказать вам, сколько цепей помогло разбить вырванное из недр земли наследие капитана Немо.

Константин Случевский

КАПИТАН НЕМО В РОССИИ

Глава из Жюль Верна, никем и нигде
не напечатанная

I.

Капитан Немо сидел угрюм и задумчив в углу своего плавающего кабинета. «Наутилус» шел в это время на глубине 2000 метров по проливу Маточкин Шар; он избегал подниматься выше, потому что вот уже не первый день над головою его Северный океан бушевал жестоко. Еще недавно, в глазах Немо, опустилось на дно океана какое-то трехмачтовое судно, не выдержавшее бури; это случилось ему видеть нередко из-за громадного стеклянного глаза «Наутилуса», светившего в водяную тьму своим электрическим светом. Хотя «Наутилус», вооруженный всеми решительно приборами для предсказания, предупреждения, отклонения и, наконец, полного отворачивания опасностей, и не особенно боялся их, но капитан был все-таки осторожен и не отваживался на неизвестное. Как ни могуча наука, как ни точны цифры, но некоторая доля сомнения должна быть представляема всегда и во всем: а ну как ошибку дать?

Цель путешествия «Наутилуса» на этот раз была очень своеобразна. Еще будучи в Гамбурге, в последнее свое посещение, капитан прочел в газетах о каком-то удивительном человеке, ученом сверх меры, убежавшем от света и поселившемся на одном из диких маленьких полуостровов русского северо-океанского побережья, не вдали от пролива Маточкин Шар. В гамбургских газетах сообщалось, что этот ученый, по имени Фиц-Рой, имеет на полуостровке нечто вроде своей обсерватории, свой физический кабинет, химическую лабораторию и все нужные к ним приборы и аппараты; что, кроме жены Фиц-Роя и находящегося в услужении его какого-то русского помора и еще одного семейного дикаря, подле него нет других людей; что все, все решительно добывает он там своими личными средствами, что машины его исполняют все обязанности полей, парников, чуть ли не пастухов и молочниц, доставляют ему всякую пищу и шьют платья, что фрукты созревают у него искусственно, что ураганы, проносящиеся над ним, дают ему живую силу, гораздо большую, чем сила Ниагарского

водопада, и что даже краткие северные сияния — и те подвергаются непосредственной концентрации и развивают свою магнитную силу для службы Фиц-Рою, когда ему это нужно. Сообщали газеты также и о том, что он очень гостеприимен, рад посещениям, которых, однако, почти не бывает, потому что отыскать его трудно, потому что на лодке к острову не подплыть, а в экипаже не подъехать.

Все это пленило болезненную фантазию капитана Немо; он рассчитывал встретить в Фиц-Рое человека, подобного ему, с ним вполне схожего по учености, с тою, однако, разницей, что он, Немо, чудодей на море, а тот, Фиц-Рой, такой же на суше.

По расчетам капитана Немо, «Наутилус» должен был находиться очень недалеко от цели своего путешествия. Чтобы точнее определить положение судна, капитан встал с места и подошел к столу, на котором лежала карта северного побережья России. Три дня тому назад «Наутилус» находился у Соловецких островов, на месте последней стоянки, и на этом месте карты виднелась неподвижная красная точка, обозначающая положение «Наутилуса». Особая система приборов обуславливала то, что, при желании Немо, красная точка эта могла бежать или бежала по карте точь-в-точь по тому пути, по которому шел «Наутилус»; но если Немо не хотел этого, то точка оставалась неподвижно на месте последней остановки и только при желании его пробегала по карте именно тем же путем, по которому уже прошел «Наутилус» до той минуты, когда обратились к прибору.

Подойдя к столу, капитан прикоснулся к одной из многочисленных кнопок, торчавших подле стола на стене, и красная точка мгновенно побежала по карте именно так, как прошел «Наутилус», от Соловецких островов до Маточкина Шара; тут красная точка остановилась между островками, упершись в черту, потому что карты больше не имелось. Необходима была большая осторожность.

Капитан нажал другую кнопку, и «Наутилус» мгновенно остановился. Никакого содрогания от мгновенной остановки не произошло благодаря особому приспособле-

нию для обратного хода, нейтрализующему энергию двигательной силы.

— Так вот мы где! — проговорил тихонько капитан. — Островков и мысков видимо-невидимо, но на котором из них обретается Фиц-Рой?

Согласно желанию капитана, «Наутилус», остановившийся на глубине 2000 метров, начал медленно подниматься к поверхности океана. При освещении снопами электрического света, которые были направлены во все стороны, нетрудно было убедиться в вулканическом происхождении подводных частей побережья; испуганные неожиданным светом, киты, дельфины, акулы и прочие более мелкие обитатели глубины морской были потревожены чуть ли не впервые и сторонились от всплывавшего невиданного ими гостя — кто медленно, неуклюже-тяжело, а кто с юркостью и быстротою невероятною.

Так как дело происходило летом, в июне месяце, то было очень светло и днем, и ночью. «Наутилус», пока под рукою Немо имелись морские карты, двигался бесстрашно, но, когда он достиг мест, не подвергавшихся точной съемке, и красная точка остановилась, движение стало затруднительно и опасно. В одной из многочисленных, окруженных темными скалами бухт Немо решил остановиться; он застопорил машину, и «Наутилус», как сказано, начал подниматься.

Минут пять спустя один из приборов воздушного давления показал, что поверхность воды очень близка, а гармонический звон верхней части обнажавшегося, т. е. выходившего на воздух, «Наутилуса» подтвердил это; этот звон был одним из последних усовершенствований на «Наутилусе».

Капитан вышел на поверхность своего медного коня сквозь люк. Утро было восхитительное. Виды скалистых островков, без всякой растительности, окружавших неподвижно стоявший «Наутилус», смотрели дико, пугали своею пустынною; мириады всякой морской птицы носились над ним, перелетая со скалы на скалу, и кричали каким-то совсем особым голосом.

«Если, — думалось капитану Немо, стоявшему на “Наутилусе” и глядевшему в подзорную трубку, — Фиц-Рой действительно ученый человек, то это мы сейчас узнаем; он, может быть, уже извещен о моем приезде; надо только соединиться с матерью-землею».

Дав самый тихий ход «Наутилусу», капитан направил нос его к одной из ближайших скал и таким образом вошел в прямое соединение, т. е. в «контакт», с сушею, вследствие чего пользование предназначенными для этой цели аппаратами сделалось вполне возможным, так как Немо давно уже имел все нужное для переговоров на дальние расстояния без посредства каких бы то ни было проводов.

«Но по какому же, однако, направлению буду я говорить? — задал себе капитан вопрос. — И какое между мною и Фиц-Роем может быть расстояние? Надо предпринять исследование по кругу, и один из радиусов непременно даст мне искомое».

Не успел капитан подумать о сказанном, как услышал очень ясно донесшийся до него голос неизвестного лица, произносившего прекрасную английскую речь:

— Добро пожаловать! — говорил голос. — Если вы направляетесь ко мне, то вам придется немного изменить свой курс.

— Вы, может быть, господин Фиц-Рой? — спросил Немо, приставив к уху одну из находившихся под рукою его трубок.

— Да, да, я Фиц-Рой, — ответил голос, — а с кем имею удовольствие говорить я? — добавил он от себя. — Уж не со знаменитым ли капитаном Немо?

— Да, да, я капитан Немо, владелец «Наутилуса», — ответил он; самолюбие его было сильно польщено последними словами Фиц-Роя.

— Ах, очень, очень рад! — возгласил Фиц-Рой. — Давно хотел я с вами познакомиться, давно. Смотрю я на вас, — продолжал голос, — и не верю глазам своим. Ваши портреты вовсе не похожи на вас.

— А вы разве видите меня? — спросил удивленный капитан. — Сколько миль отделяет нас друг от друга?

— Между нами двадцать пять миль, а вас я, конечно, отлично вижу, в Эдиссоновский прибор вижу; а разве у вас нет его?

Капитану Немо стало вдруг как-то очень совестно: впервые довелось ему уступить в первенстве человеку, более ученому, более сведущему, чем он; в нем шевельнулись все его злые инстинкты, и только что наслаждавшееся самолюбие было оскорблено.

— Был у меня этот прибор, да потерял в пути, — ответил Немо.

— Жаль, очень жаль! Но мы скоро увидимся лично. Я знаю с точностью место, на котором вы остановились. Ваш путь ко мне следующий: отойдите от берега на сто сажен в направлении к NNO, затем поверните нос вашего «Наутилуса» на два с половиною градуса к NO и направляйтесь самым малым ходом к береговой толще. При скорости хода 30 узлов в час вы через 25¹/₂ минут войдете в узкий пролив, достаточно широкий, однако и совершенно прямой; 8 минут спустя застопорьте машину, потому что в том месте существует сильное течение и вас понесет в сторону; через час пути вы увидите на берегу мое обиталище и меня самого. До скорого свидания? Не повторить ли вам сказанного мною? — спросил Фиц-Рой.

— О, нет, благодарю вас, — ответил Немо с некоторою даже гордостью, — ваши слова уже записаны, и я исполню их в точности.

Голос замолчал.

Немедленно вслед за этим «Наутилус», успевший немного обсохнуть, стал опять качиваться океанскою волною. Немо исполнил в точности сказанное Фиц-Роем.

Именно на далеком севере, в необследованных русских водах, сказалось для капитана Немо некоторое неудобство, которого он, несмотря на всю свою проницательность, все-таки не предусмотрел: люк, служивший сообщением внутренности сказочного «Наутилуса» с внешним миром, оказался немного узким, во внимание к теплоте одеяния, которое Немо должен был навьючить на себя, так как температура, несмотря на июнь месяц, не превышала семи гра-

духов, а ветер пронизывал довольно резкий. Немо, не привыкшему к этому, пришлось надеть даже шапку с наушниками и меховые рукавицы.

«Наутилус» остановился у цели своего плавания. Высокие черные скалы, окружавшие со всех сторон глубокую, как бы озеро, бухту, в которой Немо находился, и весь пейзаж, несмотря на солнце, показались ему траурными. Вдоль отвесных расщелин скал белели кое-где длинные полосы девственного снега, и хотя подле них бок о бок, озаряемые полуденным солнцем, зеленели яркие мхи, тем не менее в общем вид мрачных скал подавлял собою. Невероятное количество всяких чаек, гагар, уток, альбатросов, от белых до черных включительно, реяло по воздуху и давало такой удивительный концерт, какого Немо никогда и нигде не слышал. Хотя глаза капитана были очень зорки и крепки, тем не менее он вооружился зрительного трубкою. Залив, или озеро, был не велик, и кое-где из темной океанской воды выкидывались дельфины. В одном из уголков этого холодного, неприглядного побережья виднелся на берегу большой косяк гревшихся моржей. Голубое небо, хотя и безоблачное, смотрело все-таки бледно, очень бледно. На берегу, справа от «Наутилуса», виднелось какое-то как бы жилье ила здание, а перед ним, у края воды, стоял человек — вероятно, сам Фиц-Рой — в ожидании редкого и дорогого гостя.

— Бросьте якорь! — раздалось с берега в рупор. — Я пришлю за вами моего вестового! — крикнул Фиц-Рой.

Не успела загрохотать цепь якоря, как Немо заметил, что от берега отделилось какое-то небольшое темное тельце и быстро направилось к «Наутилусу»; на этой плавучей сигаре или рыбе не виднелось ни одного живого человека, но, несмотря на то, тельце шло с точностью удивительною, перерезывая наискось волны, прямо на «Наутилус»; оно подошло к нему и встало борт о борт, словно существо разумное и опытное. Немо не задумался тотчас перейти на сигару, сел на скамью и немедленно, влекомый неизвестной силою, направился к берегу; в самую минуту прикосновения к земле у своеобразной сигары как будто сразу вырос-

ли колеса; она побежала по направлению к Фиц-Рою в остановилась в одном шаге от него.

Два очень важных и любопытных человека, никогда не видевших друг друга, встретились за северным полярным кругом, в царстве русского царя, и пожали друг другу руку.

— Очень, очень рад! — сказал Фиц-Рой.

— И я не менее! — ответил Немо.

Насколько Немо был замкнут, мрачен, почти злобен своею внешностью, настолько же Фиц-Рой являлся приветливым, светлым и радушным. Два величайших ученых мира, два властителя всех знаний человеческих встретились; каждый из них был заинтересован в новом знакомстве, и так как подобные случайности происходят не часто, то оба они понимали значение этой встречи.

Берег был, как сказано, пустынен, но одно из углублений в скалах и одна из самых больших скал как бы обличали присутствие человеческого жилья, чрезвычайно своеобразного и исключительного. Совершенным особняком стоял впереди остального какой-то как бы дом, высеченный в скале, несомненно сорванной когда-то от вершины ближайшей скалы и улегшийся у подножия ее; прежнее место прикрепления этой скалы обозначилось на скале-матери широким розоватым рубцом, тогда как вся остальная поверхность ее являлась черною.

Немо, направлявшемуся к жилью рядом с хозяином, стоило взглянуть на это, чтобы увидеть воплощение труда и мысли почтенного Фиц-Роя.

— А давно вы эту скалу оторвали и эту титаническую шуточку устроили, положив ее сюда? — спросил он Фиц-Роя, указывая глазами на прежнее место скалы.

— Это мое первое обзаведение, — ответил Фиц-Рой.

— А сколько вольтов нужно было вам для этого свержения?

— Право, не помню, но помню очень хорошо, что вся трудность состояла не в том, чтобы оторвать скалу, а в том, чтобы заставить ее упасть так, как мне хотелось: я желал непременно, чтобы самую широкою плоскою стороною она

упала к морю и чтобы иметь перед будущими окнами вид на него.

— И вы достигли цели?

— Я ошибся в моем вычислении футов на пять, не больше и совершенно им доволен; вы видите: лежит как ей приказано.

— Смелая вещь, смелая! — ответил Немо.

— Да, такого метательного маневра со скалою около 400 000 пудов весу... — начал было Фиц-Рой, но капитан перебил его.

— А почему же вы на пуды, а не на тонны мерите? — спросил удивленный Немо.

— Да ведь мы с вами в России, капитан, — ответил, улыбаясь, Фиц-Рой. — Ну, если хотите, я скажу 700 тонн! Так видите ли: жена моя ужасно пугалась этого предстоявшего маневра...

— А вы женаты? — спросил Немо, и черная туча, вечно висевшая над его бровями, стала еще чернее.

— А вот я вас сейчас с женою познакомлю, — ответил хозяин. — Мэри, Мэри! — крикнул Фиц-Рой, приблизившись к жилью.

Немедленно вслед за этим возгласом на пороге входа в скалу показалась молодая женщина лет тридцати, не дурная собою. Последовало представление ей гостя.

— А вам бы закусить чего-нибудь, капитан Немо? — спросил хозяин. — Ты где же нас угощать будешь: в Африке, что ли?

— Хорошо, можно и в Африке, — ответила Мэри.

— Это мы с нею, — объяснил хозяин, — Африкою нашу маленькую оранжерейку называем: в ней у меня и кактусы, и пальмочки есть.

Фиц-Рой понял, что слово «Африка» должно было удивить Немо, и поэтому объяснил его.

Несколько собачонок выбежали к этому времени из дверей дома и весьма ласково обнюхали незнакомца.

— А это ваши сторожа? — спросил Немо.

— Да, это здешние лайки, удивительные твари; но, собственно говоря, мне сторожей не надо: я окружен электри-

ческою изгородью.

— Да где же она у вас? — спросил Немо.

— Ее не видно, но действие ее вы можете увидеть тотчас же, если хотите, на первой птице, которая вздумает пролететь. Эй, Брут! — крикнул Фиц-Рой.

Явился откуда-то сбоку, из помещения в матерой скале, служитель, русский помор.

— А на какой вышине у нас в настоящую минуту наш забор?

— На десять сажень, господин, — ответил Брут.

— Подними на 150.

— Слушаю-с!

Брут повернулся и ушел для исполнения приказания, а Фиц-Рой объяснил, что на этой именно высоте, и отнюдь не выше, полетят сейчас встревоженные птицы и что опыт будет сделан тотчас же. Вынув из-за пояса револьвер, Фиц-Рой выстрелил на воздух. Откуда ни возьмись, из соседних скал поднялось невероятное множество испуганной птицы и бросилось врассыпную. Большинство из них отлетало далеко, но многие падали моментально на землю мертвыми, коснувшись на полете какого-то незримого смертоносного забора; мертвые, они лежали на земле по широкому, правильно очерченному вокруг поселения кругу.

Ничему не удивлявшийся Немо, привыкший сам удивлять всех и каждого, любовался виденным им зрелищем и даже как-то начинал злорадствовать. Он нашел себе чело- века по плечу и где же — на крайнем Севере, да еще в Рос- сии.

— Ну-с, любезный гость, по пути к Африке пожалуйста в дом мой и в лабораторию; это все у меня под рукою, все в миниатюре.

— У вас опять, пожалуй, где-нибудь, — сказал Немо, — на электрическую защиту наткнешься?

— Мы примем меры, — ответил Фиц-Рой и немедленно нажал какую-то очень большую кнопку, мимо которой они проходили.

— Теперь, — сказал он, — все мое хозяйство обезоруже- но, и даже глупые пингвины могут напасть на меня и одо-

леть... ха-ха-ха!

При том широком просторе, который всегда царствует на далеком севере, на бесконечном побережье океана, всякое сравнение становится ошибочным. Скала, оторванная от матерой земли, показалась Немо гораздо меньшею снаружи, чем внутри. В ней помещались три большие комнаты и весьма просторная лаборатория. Внутренность лаборатории чрезвычайно напоминала внутренность «Наутилуса», с тою, однако, разницею, что она была гораздо богаче приборами и поражала своими размерами. Благодаря яркому солнцу лаборатория была залита обильным светом и блистала своими роскошными аппаратами.

— Вам, я думаю, — сказал Фиц-Рой, — тут показывать нечего — сами все знаете! Об одной только вещи я бы поговорил с вами и поговорю, и даже, может быть, попрошу принять на память как новинку; а теперь пожалуйста в оранжею — должно быть, обед готов.

— Позвольте, позвольте, — перебил его Немо, завидев Брута, молчаливо торчавшего за одним из столиков, проверявшего инструменты и вносившего что-то в таблицы. — Это ваш помощник?

— Это мое все, весь мой живой рабочий инвентарь, кроме жены, — ответил Фиц-Рой.

— Англичанин?

— Нет, русский, и еще из простых мужиков.

— Как так из мужиков? — воскликнул Немо.

— Да, он уроженец соседнего Архангельска, удивительная голова, способностей замечательных, самородок чище золота, жаль только, что глуховат немного и глухота эта усиливается.

— Как так! Русский и еще мужик?

— Да, да, что же вы удивляетесь, капитан. Тут у них народ удивительный.

— Ну, уж! — ответил сквозь зубы Немо. — Царство мрака и сальных свечей — извините...

— Ах, как вы ошибаетесь, как вы ошибаетесь! — ответил Фиц-Рой, добродушно покачав головою. — Однако милости просим.

За лабораторией помещалась оранжерея. Хотя она была и невелика, и невысока, но тем не менее глаза путника, привыкшего на севере к бледным тонам красок, к чахлой растительности мхов, лишаяев, карликовой сосны и березки, неожиданно встречались с очертаниями — правда, очень небольших — пальм и алоэ; несколько висевших в воздушных корзинах орхидей находилось в полном цвету; беседка из плющей стояла в углу оранжереи, а в ней был небольшой фонтан.

— Как, однако, у вас тут хорошо! — воскликнул против своей воли Немо.

— Тут царство Мэри, а не мое, — ответил Фиц-Рой.

— Но сколько же месяцев в году приходится вам поддерживать электрический свет зимою для этих растений?

— Около девяти месяцев. Но должен сказать вам, что есть только два опасных момента в жизни моей маленькой Африки — это время перехода от солнечного света к электрическому и наоборот; некоторое преждевременное частичное обмирание сказывается при этом переходе всегда, и моя добрая Мэри бывает иногда в отчаянии,

— Милости просим, господа, — проговорила Мэри, подойдя к гостю и мужу, — чем бог послал!

— Уж не русская ли и жена ваша, достопочтенный Фиц-Рой? — спросил Немо.

— Да, русская.

— Как? И она? И как хорошо говорит по-английски? — спросил удивленный Немо, оглядывая хозяйку с ног до головы.

Хозяйка, приняв на себя этот взгляд, не могла удержаться от того, чтобы не улыбнуться самым добродушным, отнюдь не обидным образом.

— Милости просим покушать, пожалуйста! — обратился Фиц-Рой к капитану. Они уселись за стол в виду невысоких пальм и алоэ, совсем позабыв о близком соседстве к ним северного полюса.

II.

Наступил уже третий день пребывания капитана Немо у Фиц-Роя. Это было воскресенье. За эти три дня переговорено было о всем решительно, показано было обоюдно, конечно, все и вся. Раз обедали на «Наутилусе». Тут превосходство погребка капитана, по сравнению с погребком Фиц-Роя, сказалось полностью. Но зато капитан не мог угостить своего посетителя такими местными диковинками, как Фиц-Рой. С особенною любовью показал Фиц-Рой своему гостю стадо своих оленей; ходили на охоту, причем Немо убил альбатроса, размах крыльев которого имел больше сажени; интересны были парники и теплички, разведенные в скалах, на полдень. Весьма и весьма практично устроены были машинное отделение и электрические аккумуляторы; стук от машины слышался денно и ночно. Очень велики были естественные запасы топлива, потому что нечто вроде целой горы, обнаженной боком своим, виднелось шагах в двухстах от самого жилья, и вся эта гора была антрацитовая.

При осмотре этой замечательной горы Немо спросил Фиц-Роя:

— А скажите, пожалуйста, отчего именно выбрали вы для вашего любопытного поселения такую бесконечную глушь, такой дальний север и, наконец, такую дикую страну, как Россия?

— Милый мой гость, — ответил Фиц-Рой, — у меня в этом отношении совсем своеобразные взгляды. Во-первых, я жаркого пояса, экватора, тропиков не выношу; пробовал я жить под тропиками и окружал себя искусственными льдами, но окончательно изнывал. Грудь моя не особенно крепка, и если здесь, как вы видите, я имею полную возможность иметь под рукою в моей оранжерее кусочек Африки, то там при всех моих усилиях кусочка полярного круга в моем распоряжении я иметь не мог.

— Да, да, — добавила Мэри, — он ужасно опускается, стареет на юге; тепло не по нем.

— Но вы уроженец Англии? — спросил Немо.

— Нет, я австралиец, из Нового Южного Валлиса. На первый ваш вопрос о выборе дальнего севера я ответил, теперь отвечу на второй: разве для человека с головой и сердцем и в известных летах еще может существовать где-либо глушь? От него самого зависит населить эту глушь всеми созданиями своего труда, знаний, опыта, к его услугам фантазия, воображение и, наконец, неисчерпаемый мир воспоминаний. Укажите мне, капитан, место на земном шаре, где у меня не будет всего только что мною перечисленного, и тогда я соглашусь с вами, что существует на свете глушь и что я в глуши!

— Я понимаю цену одиночества, — возразил Немо, — но я не понимаю вашего сидения на месте, обуславливающего вечное одно и то же, — это скучно!

— А мы слово «скучно» не понимаем, — вставила от себя Мэри.

— Счастливая! — заметил Немо.

— Нет, я несчастливая, — возразила она, — у меня нет детей.

— Да, это и моя невзгода, — прибавил Фиц-Рой, — но что же прикажете — на то воля божья!

— Божья? — резко спросил Немо, взглянув на Фиц-Роя.

— А то как же, — ответил хозяин.

Некоторое молчание следовало за этими словами: на этой почве, видимо, разговор не мог продолжаться, и почву переменили.

Только что приведенная беседа имела место утром; через сутки, т. е. на следующий день, капитан Немо предполагал покинуть Фиц-Роя. Некоторые починки на «Наутилусе» были закончены, припасы кое-чем подновлены и, наконец, надобно же и честь знать.

Наступил третий день.

— Ну, капитан, — сказал Фиц-Рой, — если уже действительно вас не удержать, так я вам, как сказал, на добрую память подарочек сделать хочу. Пожалуйста в лабораторию.

— А чем же я вас отдарю? — спросил Немо, следуя за ним.

— Сосчитаемся! Мне тем приятнее поднести вам мое изобретение, что на «Наутилусе» у вас электрической силы вволю, а моя игрушка только при этом источнике силы и может действовать.

— Любопытно посмотреть на вашу игрушечку, — ответил Немо, входя вслед за хозяином в лабораторию.

Брут находился в это время в ней за своими обычными занятиями.

— Дай-ка мне, Брут, — сказал ему Фиц-Рой, — последнюю мою шапку.

Брут, не долго думая, вынул из одного из шкапов какую-то меховую шапку, и Фиц-Рой просил Немо надеть ее. Шапка оказалась довольно курьезною: к ней были приделаны наушники и очки.

— Вы в холодных странах, капитан: вам наушники нужны; вы в такой стороне, где света мало и туманов много — очки не лишнее. Наденьте!

Немо надел шапку, причем наушники покрыли его уши, а очки сами собою опустились на нос.

— Что вы видите? — спросил капитана Фиц-Рой.

Вместо ответа капитан отшатнулся: Фиц-Рой стоял перед ним в образе костяка, об одеянии, о теле его не было и помину.

— Ну, что, — спросил Фиц-Рой, — хороша моя игрушечка?

В это время Немо снова увидел перед собой настоящего Фиц-Роя, а не костяк его.

— Недурна! — ответил капитан. — Но можно бы сделать и лучше.

— Можно и лучше, и ваше желание предусмотрено.

Опять видит Немо костяк своего хозяина, но, кроме того, слышит он и голос Мэри. Он повернул голову в сторону этого голоса и увидел сквозь саженную толщу скалы, составлявшей стену лаборатории, что Мэри стоит со своими собачонками и разговаривает с ними. Еще одно мгновение, и оба видения — как слуховое, так и видение зрения — пре-

кратились: опять темная толща скалы, опять Фиц-Рой вместо костяка. В руках у него виднелась переносная кнопка, от которой шел небольшой провод к шапке.

Немо снял шапку и осмотрел ее. Металлические наушники являлись усовершенствованным аудифоном, а на днище шапки помещалась небольшая электрическая батарея, сообщавшаяся как с наушниками, так и с очками.

— Позвольте мне вашу кнопку, — попросил Немо, обращаясь к Фиц-Рою и надевая шапку; провод находился теперь в его распоряжении. Он нажал кнопку. Опять костяк хозяина, опять прозрачная скала, и за нею хозяйка с собаками, и разговор ее с ними. Немо тотчас же сообразил, что если он видел костяк хозяина, а хозяйка за стеною являлась в своем настоящем образе и в одеянии, и собаки тоже не скелетами, так это потому, что часть силы аппарата истрачивалась на то, чтобы осветить скалу до полной прозрачности.

Немо снял шапку.

— Спасибо! — сказал он Фиц-Рою, протягивая руку. — Подарок принимаю, но позволяю себе отдарить вас на «Наутилусе» чем-либо подобным.

Наступил, наконец, день отбытия. Капитану Немо, этому опытному морскому волку, уже прискучило проводить третьи сутки в мирном обиталище Фиц-Роя и видеть себя в обществе одной из женщин, которых он вообще терпеть не мог. Как ни упрашивали его хозяева обождать еще, но он ни за что не соглашался и в ожидании отъезда стал даже нервным, раздражительным.

Часов в десять утра, когда не спускавшееся под горизонт солнце стояло в небе уже очень высоко и нагревало своими яркими лучами начищенные и вылосненные бока «Наутилуса», его подвели к самому берегу с тою целью, чтобы имевшие прийти к отъезду Фиц-Рой и Мэри могли удобнее взойти на него.

Опускаясь сквозь люк в каюту, Фиц-Рой обратился к Немо с вопросом:

— А вы не кувырнете нас с женою, как тех дикарей, помните, электричеством?

Капитан Немо улыбнулся. Он велел с вечера приготовить хороший завтрак и вытащить из погребка превосходное вино: старый херес и шампанское. Немо и Фиц-Рой с супругою не замедлили сесть за стол. Завтрак прошел очень оживленно. Когда подали кофе, слух гостей был поражен удивительною, не слышанною ими музыкою. Слышалось не то журчание воды, не то воздушная Эолова арфа, не то церковный орган, но, в общем, нечто удивительно приятное, убаюкивающее. Звуки лились непрерывно и чередовались с таким гармоническим спокойствием, с такою умиротворяющею музыкальностью, что даже сам суровый Немо как будто поддался звуковому очарованию. Фиц-Рой слушал внимательно и одобрительно покачивал головою, а Мэри замечталась до такой степени, что ее чашка с кофе остыла совершенно.

— Чудесно, восхитительно! — проговорил Фиц-Рой.

— Да, очень, очень хорошо! — пробормотала Мэри.

Когда музыка прекратилась, Мэри изъявила желание ознакомиться с самим инструментом. Устроен он был в одном из боков кабинета, и вся музыкальность его основывалась на более или менее высоком падении сверху вниз, в водяной бассейн, более или менее больших капель воды. Медная доска с отверстиями для капель была укреплена над бассейном и могла быть легко заменена другою, с другими нотами; в инструменте этом имелось также нечто вроде педали: струя воздуха, до поры до времени пускаемая на падавшие капли и дробившая их, придавала звуку очень большую мягкость и могла вызывать даже тончайшие *pianissimo*; для этого, кроме струи воздуха, нужно было еще и уменьшение диаметра тех отверстий, сквозь которые капли падали; то и другое производилось механически.

— Но ведь это мы можем и у нас дома устроить? — сказала Мэри, обращаясь к мужу.

— Непременно устрою, непременно; мне эта музыка тоже очень нравится, — ответил Фиц-Рой.

— Это будет нам воспоминанием о вас, капитан, — проговорила Мэри.

При этих словах Немо поднялся с места и молча направился в соседнюю со столовой спальню; он скоро возвратился и принес с собою небольшой ящик, который и поставил на стол.

— Вот это воспоминание обо мне будет несколько существеннее, — сказал он, пощелкивая задвижками ящика, им принесенного, и открыв крышку.

— Что это такое? — спросил Фиц-Рой, заглядывая в ящик.

— А это вот что: вы жаловались мне на глухоту, одолевающую вашего Брута, ну, так благодаря этому прибору глухоты нет более.

— Не может быть! — воскликнула Мэри.

— Да, это верно, — добавил капитан Немо. — Прибор этот — микрофонограф; его недавнее изобретение сделает переворот в медицинской науке и во многом другом.

— Вероятно, — добавил от себя Фиц-Рой, — ваш прибор усиливает звуки?

— Да, в чудовищной, совершенно невероятной степени. Он делает со звуками, даже с самыми крохотными, никем не слышимыми и даже не подозреваемыми, то, что делает с изображением предмета лупа или микроскоп, — объяснил Немо.

— Но ведь в таком случае последствия этого изобретения действительно неисчислимы! — проговорил Фиц-Рой, очень хорошо и быстро сообразив, к чему может привести открытие. — Мало того, что глухонемые обретут слух, но ведь и медицина, ограничивающаяся выслушиванием и постукиванием, будет иметь в своем распоряжении гораздо более верного и нелицеприятного распознавателя, чем пальцы и уши врачей.

— Нет, конечно, сомнения в том, — ответил Немо, — что теперь можно будет изучать самомалейшие звуки как в здоровом, так и в больном организме, и какие чудесные диагнозы болезней будут возможны!

Немо вынул прибор из ящика и не замедлил поставить на стол, между тарелок и ножей.

— А уже делались с прибором опыты? — спросил Фиц-Рой.

— Делались, и весьма удачно. Для того, чтобы уловить едва слышные звуки, мало того, для того, чтобы записать их, приставляют к исследуемому органу особый микрофон и соединяют его с микрофонографом, т. е. с записывателем звуков; электрический провод от батареи в 60 небольших элементов из сернокислой ртути достаточен. Новый аппарат это изобретение молодого французского ученого Дюссо, он записывает даже не слышимые нами звуки в сердце человека и в его легких с необыкновенною точностью.

— Но ведь это бесконечно и поразительно в своих применениях! — воскликнул Фиц-Рой. — Ведь таким способом можно будет, пожалуй, записывать и шумы движения мыслей в мозгу человека!

— Да, да, конечно, — добавил Немо, — и по этому пути уже идут изобретатели. Аппарат Дюссо стал известным Эдисону, и маг Америки работает над тем, чтобы сделать микрофонограф бесконечно чувствительным. Самому Дюссо уже удалось записать бесконечно малые шумы, производимые, например, насекомыми при их хождении; он записал также звуковые изменения, вызванные нервным волнением у артиста и оратора.

— Чудесно, чудесно! — добавил Фиц-Рой; он внимательно осматривал аппарат, знакомился с его не очень сложным механизмом.

— Так это поможет, значит, нашему бедному Бруту? — заметила Мэри.

— Да, несомненно, — оказали в один голос и Немо, и Фиц-Рой.

— А нельзя ли позвать сюда Брута сейчас же? — спросила Мэри.

— Конечно, можно...

Не прошло и пяти минут времени, как Брут появился на «Наутилусе». Приспособление аппарата, при том условии, что им орудовали такие люди, как капитан Немо и Фиц-Рой, длилось очень недолго, а электричества на «Наутилусе» имелось достаточно всегда.

Брут, человек угрюмый от природы, по мере усиления глухоты становился еще угрюмее и молчаливее, и лицо его

приобретало ту неподвижность, в которой нет места ни малейшей улыбке и которое отличает глухих и в особенности глухонемых.

Опыт с Брутом удался совершенно и вполне наглядно. Когда ему было предложено взять в руки микрофонографический рожок, схожий с давно знакомым ему телефонным, и приложить к уху, когда пущен был электрический ток, весьма слабый из осторожности, лицо Брута немедленно просияло, и он улыбнулся: мир звуков, ясных и отчетливых, давно ему незнакомых, возник для него снова и приобщил к жизни тем общением, которое когда-то, до глухоты, имелось для него.

Когда затем Немо, приставив микрофон к своему сердцу, соединил его с микрофонографом и дал опять рожок в руки Брута и он приложил его к уху, — лицо Брута стало совсем весело.

— Что ты слышишь? — спросила его Мэри, заметив эту веселость.

— Мельница стучит! — ответил он.

Все расхохотались, и даже сам Немо вместе с другими.

— Ну, многочтимый хозяин, — проговорил Немо, — вы, конечно, не откажетесь принять от меня этот прибор в обмен на вашу чудесную шапку.

— Не могу отказаться, спасибо! — ответил Фиц-Рой и, взяв гостя за руку, сильно пожал ее.

— Меня больше не нужно? — спросил Брут и, получив ответ, вышел.

Завтрак прошел очень оживленно. Особенно понравился Немо фаршированный язык трески, поданный к закуске. Такая роскошь возможна только на месте, где трески, не выдерживающей в свежем виде и нескольких часов перевозки, мириады.

— А вы из этих языков консервов не делаете? — спросил Немо.

— Не стоит того!

— Но, скажите, почтенный Фиц-Рой, я видел у вас на столе разные консервы, я видел у вас в лаборатории множество новых приборов; все ваши окна снабжены стеклами: —

откуда и как получаете вы все это и вообще как общаетесь с жилыми местностями, из которых ближайшая, кажется, Архангельск?

— Архангельск не ближайшая, — ответил Фиц-Рой, — но в ближайших, как, например, Мезень, ничего достать нельзя. Что касается до сообщений, то они чрезвычайно удобны и просты. Лучшее и главное, конечно, зимнее время. Бывают у нас иногда в море суда, но рейсы их не срочны, и на них надежда плохая, а вот зимою другое дело: на близкие расстояния ездим на собаках или на оленях, на далекие, по тундре, на буере!

— На буере? По тундре?

— Да, лучшей дороги на свете нет. Гладь неописуемая на тысячи верст. Большею частью, при посредстве тех или других ветров, достаточно одного только паруса, но на всякий случай я всегда беру с собою и электрический двигатель, который, однако, пустил в ход не более двух или трех раз.

— Но ведь вам необходим компас? — спросил Немо.

Вместо ответа Фиц-Рой взглянул на жену, немного вспыхнувшую и опустившую при этом глаза.

— Да, — ответил он, — однажды Мэри забыла компас, мы вспомнили о нем часа через два пути и едва не погибли.

— Да, это было ужасно! — ввернула от себя Мэри.

— Я помню, что сильнейший норд-ост успел отнести нас на запад в час времени не на один десяток верст. Совершенно неожиданно скользнули мы в область ветров. Кругом не было видно ни зги, и пришлось остановиться. Если бы не особенное счастье и не звезды небесные, которые явились к нам вдруг на помощь, едва ли бы имели мы удовольствие принимать вас, капитан, здесь у себя.

— Но нет худа без добра, — ответила Мэри, — с тех пор ни я, ни муж е компасом не расстаемся.

При этих словах она вынула из-за платья висевший у нее на груди вместо медальона компас; имелся также компас на ремennom поясе, которым опоясан был Фиц-Рой.

— Но что за восторг, если бы вы знали, — сказала Мэри, — нестись на буере со скоростью вихря по бесконечной тундре! Нам приходится надевать в этих случаях кожаные маски с очками. И красивы мы тогда, нечего сказать! — добавила она.

— Да, отмеривать по версте в полминуты — это удовольствие большое, — сказал Фиц-Рой. — А уж если хотите роскошную картину, так представьте себе безмолвную, тихую, зимнюю ночь, магнитное сияние, охватывающее полнеба и освещающее бесконечность, потрескивания этого сияния и тихий, равномерный стук электрического двигателя, уносящего вас по светлой, но мертвой бесконечности!

— Вот бы вы к нам зимою приехали, капитан! — сказала Мэри.

— На «Наутилусе»? — ответил Немо, улыбаясь.

Близилось время, назначенное для отбытия Немо, — ровно полдень. С невероятною быстротою погода, очень хорошая с утра, захмурилась, и свинцовые тучи начали облегать небо. Порывистый ветер крепчал, неслись по воде одному навстречу шквалики, а неистовые завывания в расщелинах скал преддрекали близость урагана. Облака в небе то сбивались в кучи, то рассеивались, образуя какие-то просветы, тотчас же закрывавшиеся. Беспокойство облаков передавалось и миру пернатых, начавших сновать над «Наутилусом» во все стороны с диким, испуганным криком. Вдали раздавались раскаты грома.

— Ведь грозы у вас здесь большая редкость? — спросил капитан Немо.

— Да, не часты, — ответил Фиц-Рой.

Немо ужасно боялся того, чтобы словоохотливый Фиц-Рой не начал болтать с ним по поводу гроз. В три истекших дня ему так надоело пребывание на суше, он так неудержимо стремился снова покачаться в океанских волнах, наступавшая гроза так манила его к себе, что он только и думал о том, как бы ему поскорее отчалить от берега. Он обратился к рупору, висевшему на стене за его спиною, и очень громко спросил в машинное отделение:

— Готовы ли к отплытию? А? Что? Готовы?

Ответ последовал утвердительный.

Хотя стоянка «Наутилуса» была совершенно безопасна и, казалось, никакая волна океанская не проникнет в этот спокойный заливчик, тем не менее «Наутилус» начал слегка постукивать своими металлическими боками о береговую скалу.

— Неужели вы тронетесь теперь, — спросила Мэри, — когда еще вчера вечером состоялось предсказание бури?

— Это ему нипочем, дорогая Мэри, он немедленно нырнет ниже пояса волнения.

— Нырну, конечно, нырну! — нервно ответил Немо. Он уже воображал себя на волнах.

Приближавшиеся раскаты грома учащались.

— Ну, если вас не удержать, так прощайте, капитан, — проговорил Фиц-Рой, вставая из-за стола; ему вслед поднялась и Мэри.

Хотя прощание последовало очень радушное, но Немо, видимо, не принадлежал более себе и ему стоило много усилий сдержать себя и быть вежливым.

— Да и по правде, действительно, вам надо торопиться, — говорил Фиц-Рой, выбираясь на воздух из широко раскрытого люка; за ним направилась Мэри, которой помог сойти на берег соскочивший на него Брут.

Последовали рукопожатия. Наконец, освободясь от гостей, Немо почувствовал себя в своей стихии и обратился к кнопкам. «Наутилус» тронулся.

— Прощайте, прощайте! — раздавалось с берега.

Но Немо не замечал более ничего. По мере быстрого усиления бури вырастал и он, и что значили ему эти мелкие людские возгласы, исчезающие в чудовищных возгласах бури, что значило ему махание платками, когда, уйдя весь во внимание и хозяйничая с кнопками, он следил за движениями своего «Наутилуса».

Буря разыгралась страшная, и молнии заструились по совсем стемневшему небу змеями. Даже в мирном заливчике начали появляться на волнах зайчики, и Немо, спрятавшись в люк и обеспечив «Наутилус» герметическим за-

купориванием, застопорил машину и тронул клапан для погружения в воду.

Тихо, еле заметно для глаз, погрузилось чудесное судно, и сколько бы ни трудились Фиц-Рой и его жена увидеть его, это было бы невозможно. Океанская глубина сказывалась подле самого берега, и Немо ознакомился с предстоявшим ему путем еще вчера, сделав несколько промеров.

Находя дальнейшее опускание «Наутилуса» излишним, потому что судно находилось в неволнующейся глубине, Немо, осветившись электричеством, стал тихонько двигаться в обратном направлении к тому, которое было у него записано до прибытия в бухту со слов Фиц-Роя и по которому он прибыл.

Тишина в каюте Немо наступила полная, так как гудевшая над водою неисчислимыми голосами буря в эту область вечной тишины не доносилась, и о ее присутствии свидетельствовал только необычайно быстро упавший барометр.

Нервы капитана Немо вполне успокоились.

Верный своей всегдашней привычке, он только в пути намечал себе ближайшую цель дальнейшего следования. На этот раз капитан, почти не колеблясь, решил плыть прямо на Одессу с тем, чтобы познакомиться с Россией с другой стороны.

Есть полное основание полагать, что капитан благополучно обогнет всю Европу, пройдет по Средиземному и Черному морям, нисколько не заботясь о предъявлении своего вида в Дарданеллах, и прибудет вполне благополучно к Одессе. Есть также полное основание быть уверенным в том, что Немо сообщит людям о том, что он знает Россию и что бывал в ней.

Конечно, Немо будет совершенно прав.

Приложение

"Нова"

Рассказ Каротти

Рис. Б. Антоновского

I

Джерард Крокер вышел из зала заседания в мрачном настроении. Он погрузился в глубокое кожаное кресло, стоявшее на веранде за пальмами, и закурил сигару. Но все это не изменило хода его мыслей и не улучшило настроения. Какие, однако, свирепые эти ученые, как они налетели на несчастного Джона! И зачем, собственно, он, Крокер, приехал на этот доклад? Какую пользу принес он своим присутствием Джону Брэкету? И что он, Джерард Крокер, владелец банкирской конторы, понимает в конце концов в астрофизике?.. В эту минуту звук приближающихся шагов привлек внимание Крокера. Он узнал голоса жены Джона — Глэдис и Шеперда Стефенсона, молодого и красивого директора Руанского университета.

Джерард Крокер и так был небольшого роста, но, чтобы не быть замеченным ими, еще глубже вдавился в кресло.

— Ваш муж... — услышал он голос Стефенсона.

— Непроходимый дурак... — закончила Глэдис.

Джерард от неожиданности даже вздрогнул. Он ее ударил бы за это! Но женщина — все-таки женщина и, кроме того, у Стефенсона слишком хорошо развита мускулатура, чтобы Джерард Крокер мог решиться встать на защиту свое-

го друга... Не успели они удалиться, как двери зала заседания Национальной академии наук широко распахнулись и многоголосый шум, постепенно усиливаясь, разлился по всем прилегающим помещениям. В этом шуме, сначала подобном морскому прибою, Крокер постепенно стал различать и отдельные выкрики, и взрывы хохота, и возгласы возмущения. Через несколько минут взволнованная толпа ученых наводнила веранду и коридоры. Доклад бедного Брэкета окончился его полным поражением, почти скандалом... Завтра утренние газеты оповестят об этом всю страну, и репутация Брэкета как ученого погибнет безвозвратно... Крокер вскочил с кресла и, придерживаясь стен, чтобы не быть никем замеченным, достиг маленькой дверцы, ведущей на трибуну зала заседаний. При виде своего друга Джон Брэкет улыбнулся. Его обычное спокойствие даже сегодня не покинуло его...

— У них есть глаза, но они не хотят видеть, есть уши, но не хотят слышать! — сказал он, отвечая на безмолвное рукопожатие Джерарда.

II

Крокер на своем автомобиле отвез Брэкета и Глэдис в Руаноки. Высадив их у подъезда дома, Крокер вернулся к себе, в коттедж на Фери Хилл.

На следующее утро во время завтрака Крокер быстро просмотрел газеты. Заголовки, под которыми помещались отчеты о вчерашнем выступлении его друга — Джона Брэкета, не предвещали ничего хорошего. Крокер даже отставил в сторону стакан кофе и отказался от яичницы. Заголовки эти действительно могли испортить аппетит:

«Маньяк или астроном? Фарс в стенах Национальной академии».

«Допустимо ли пребывание сумасшедшего в государственной обсерватории?»

Тон самых отчетов был не менее вызывающ. Это отношение прессы было логическим следствием полемики, поднявшейся в научном мире уже несколько времени тому назад. Джон, по мнению его противников, довел выставленную им аналогию между структурой атомов и структурой солнечных систем до абсурда... По мнению Джона, солнечные системы — те же атомы, только в бесконечно увеличенном масштабе. Солнца представляют собой атомные ядра, а планеты — электроны, все солнца во всех своих 57 октавах излучают потоки энергии, в которые входят большие массы темных «альфа-частиц», вызывающих появление солнечных пятен. Но солнечные системы, эквивалентные радиоактивным атомам, должны излучать вместо частиц альфа не менее значительные количества атомных ядер колоссальной плотности, заряженных положительным электричеством и обладающих быстротой, свойственной вообще частицам атомных ядер...

В этих научных теориях Крокер почти ничего не понимал. Он гораздо лучше разбирался в биржевых бюллетенях, чем в астрономических выкладках своего друга. Возможно, что Джон Брэкет ошибался, но возможно также, что он и прав... Разве существует в мире что-либо абсолютно достоверное? Научный позитивизм даже в нем, биржевом маклере, вызывал легкую усмешку. Когда он был в школе, его учили, что единица — это единица и каждое число представляет собой раз навсегда определенную величину. Но через несколько лет в случайном споре с приятелем последний доказал ему, что между двумя любыми последующими числами заключена еще и другая, бесконечно малая и делимая величина, и при помощи простых алгебраических вычислений убедил его, что один равняется двум, четыре — пяти и даже что все числа равны между собой...

Джерард улыбнулся при этом воспоминании и отложил в сторону газеты. Лучше оставить науку ученым, — решил он про себя. Может быть, они все правы — и его друг Брэкет и этот негодяй Стефенсон, который не только так яро напал на теорию Брэкета, но собирался вдобавок вмешаться и в его семейную жизнь.

III

Спустя три дня после злополучного доклада, Брэкет был уволен из обсерватории, и на четвертый день приятель Крокера адвокат Смит сообщил ему под большим секретом еще одну новость. Глэдис поручила ему, Смигу, возбудить в суде дело о разводе. Не долго думая, Джерард выбежал из клуба, вскочил в проезжавший мимо такси и понесся к дому Брэкета. Лишь бы поспеть вовремя... Джерарду рисовалась ужасная картина. Он уже видел себя выхватывающим из рук Джона смертоносное оружие. Едва машина остановилась, Крокер бросился к подъезду и секундой позже судорожно нажимал на звонок. Пока ему открыли, обрывки мыслей, одна другой мрачнее, пронеслись в его голове. Все кончено... он опоздал...

Дверь, наконец, открыли, и Крокер увидел перед собой Джона. Лицо Джона горело от возбуждения, глаза радостно блестели. Улыбка счастья озаряла его черты. Джерард никак не ожидал, что требование развода со стороны жены может вызвать в любящем муже такую радость... Крокер подумал, что Джон сошел с ума, и осторожно отступил к двери. Брэкет громко рассмеялся.

— Не бойся, я не сумасшедший! Я просто счастлив...

Но слова Джона не разубедили Крокера. Он украдкой бросил взгляд на открытую дверь парадной. Джон заметил этот взгляд и добавил уже более спокойно:

— Я победил, понимаешь? Пройдем ко мне, я тебе все объясню.

Джерард последовал за Джоном в кабинет. «Может быть, он еще ничего не знает о решении Глэдис», — мелькнула догадка.

— Что делает Глэдис? — спросил он возможно спокойнее.

— Она вчера вечером уехала к матери, — ответил Джон, подымая портьеру.

Крокер вздохнул, точно с его плеч сняли большую тяжесть. Джон предложил Крокеру стул и указал на телеграм-

му, лежавшую на столе.

— На, читай! — сказал он.

Джерард прочел, но если бы не объяснения Джона, он ничего из этой телеграммы не понял бы. В результате этих объяснений Джерард покинул дом друга в очень взволнованном настроении. В голове его все смешалось. Только одна определенная мысль прочно засела в смятенной душе. Космическая катастрофа, гибель земли неминуема! Но на улице, залитой радостным апрельским солнцем, среди бьющей ключом жизни, каждым своим движением отрицающей самую возможность смерти, Крокер почувствовал некоторое успокоение. Хотя испуг его прошел, но восхищение перед талантом Брэкета осталось. Крокер твердо решил встать на защиту доброго имени своего друга. В тот же вечер в клубе во время обеда Крокер рассказал, как умел, все, что осталось у него в памяти от объяснений Джона. Но слушатели были настроены скептически. Из газет все уже знали, что в ночь на сегодня, т. е. 23 апреля, на небе появилось новое небесное тело 18-й величины, но никто не собирался придавать этому факту особенного значения. Именно об этом небесном теле, названном Дж. Брэкетом «Нова», и говорил Крокер.

— Точка, в которой появилась «Нова», доказывает, что она находится на границе нашей солнечной системы и другой системы, солнце которой — Альфа Центавра находится приблизительно на расстоянии 40 миллиардов километров от нашего солнца. От часа ночи до четырех утра Нова перешла из 18-й величины в 14-ю. Это — исключительное явление в астрономии. Это увеличение и другие особенности указывают, что изменение величины произошло не только за счет увеличения радиации, но главным образом вследствие безумной быстроты, с которой она несется по направлению к нашей солнечной системе.

— Ну, что же, будет одной кометой больше, — добродушно вставил кто-то из слушателей.

— Это невозможно, — воскликнул Джерард, решившийся восстановить во что бы то ни стало репутацию Джона Брэкета. — В хорошо осведомленных кругах, — продол-

жал он, точно говоря о какой-нибудь финансовой операции, — считают, что эта «Нова» — та же самая звезда, которая появилась 65 лет тому назад в поле притяжения Альфы Центавра. Она мерцала с переменной силой в течение 126 часов и потом угасла.

— Однако, астрономам нельзя отказать в фантазии, — заметил с усмешкой один из наиболее скептически настроенных слушателей.

— Я не понимаю, почему она угасла? — спросил кто-то.

— Вследствие распыления материи в пространстве.

— Почему же, в таком случае, она теперь опять светится?

Крокер сделал вид, что не расслышал вопроса.

— Во всяком случае, — продолжал он, — наша солнечная система идет дальше границ Нептуна, за ним на расстоянии 4-х миллиардов километров еще находится материя, принадлежащая нашей системе, и эта материя обладает известной плотностью. К счастью, такой материи нет в междוזвездных пространствах. «Нова» появилась на расстоянии 6-ти миллиардов километров от солнца.

— Довольно далеко, — сказал солидный торговец шерстью. — Даже на моем автомобиле это расстояние не легко покрыть...

— Да! Ее быстрота — 20.000 километров в секунду... — с азартом повторил Крокер, — она одолеет это расстояние в несколько часов и...

Но инженер Пирс не дал ему закончить, он шумно, со смехом поднялся с места.

— Вот спасибо, мистер Крокер, развеселили! Так вот на чем построены вычисления Джона Брэкета! Ха-ха-ха...

Смех постепенно овладел всем обществом. Даже те, которые ничего не слыхали, невольно заразились этим смехом. Джерард покраснел, побледнел, попробовал возразить, но, видя, что его никто не слушает и что ему угрожает участь Джона Брэкета, в крайне расстроенных чувствах быстро покинул клуб. Дома ожидала его другая неприятность. Он узнал, что Глэдис вернулась к мужу в обществе Стефенсона, что между ними тремя произошел крупный

разговор и что в результате этого разговора Джон был отправлен в больницу, а Стефенсон добровольно отдался в руки полиции...

IV

Была еще ночь. За рулем автомобиля, нагруженного всякими припасами, сидел Джерард. Автомобиль мчался по цветущим холмам Аркадии. Там у Крокера была собственная ферма. Благодаря большой и глубокой пещере, которая начиналась недалеко от самого дома, ферма эта была известна во всей округе.

Когда Джерард приехал, люди на ферме все спали. Они еще не знали о космической трагедии, которая надвигалась на землю с быстротой электрического тока. Джерард остановил автомобиль около пещеры, перенес туда припасы и только тогда немного успокоился, когда закрыл за собой тяжелую кованую дверь пещеры. Он зажег электрический аккумуляторный фонарь и яркий свет залил внутренность пещеры. Крокер со вздохом облегчения присел на один из привезенных ящиков и вытер пот, покрывавший его лоб. Но довольно скоро прежний страх овладел им. Он осмотрел еще раз, плотно ли закрыл дверь, хотел даже ее забаррикадировать, но для этого у него не было больше сил. В его взволнованном уме, точно старый разорванный фильм, склеенный наудачу, разворачивались воспоминания ужасного дня.

Посещение Джона в больнице, встреча с Глэдис, сразу постаревшей на десять лет и полной раскаяния, возвращение домой, экстренный выпуск газеты, который уже ждал его на столе... Крокер закурил сигару и постарался взять себя в руки.

— Что же было в самом деле в этой газете? — громко спросил он самого себя и вспомнил слово в слово: «Нова блесит теперь как звезда 7-ой величины. Из наблюдений, сообщенных крупнейшими обсерваториями мира, следует

заклучить, что столь быстрое усиление блеска Новы происходит от ее молниеносного приближения к нашей солнечной системе».

Джерард вспомнил, как, прочитав это известие, помчался в обсерваторию. Но в обсерваторию его не пустили. Он даже вспомнил слова сторожа: «К сожалению, мы никого не можем принять. Мы очень заняты». Оттуда Джерард вернулся в город, посетил 2-3 клуба. Всюду царил полное спокойствие. Правда, никто не знал того, что знали он и Джон, но в конце концов разве то, что они знали вдвоем, было уже так бесспорно? Именно с этой успокоительной мыслью он и заснул вчера вечером. Но на следующее утро в 9 часов раздался звонок Глэдис. Она умоляла его сейчас же приехать к ней.

После Глэдис Джерард еще раз попытался проникнуть в обсерваторию, но должен был удовольствоваться сведениями, которые сообщил ему один из ассистентов обсерватории, перехваченный Крокером у дверей главного здания: «Ново» продолжает приближаться. На нее направлены все телескопы и спектроскопы мира, но вряд ли это остановит ее движение»...

Больше ассистент ничего не мог ему сообщить. Потом настал вечер.

Первые выпуски вечерних газет были переполнены комментариями и пояснениями к международному астрономическому бюллетеню. Крокер вытащил из кармана вчерашнюю газету и еще раз внимательно прочел: «“Нова” приближается из глубины пространства с быстротой, неизвестной и непредполагавшейся возможной для космических тел. Ее скорость равняется 20-ти тысячам километров и благодаря инерции остается постоянной. Вчера, 23 апреля, в 16 ч. 40 м. “Нова” пересекла орбиту Нептуна. В 14 ч. 53 м. 24-го числа, т. е. приблизительно часа два тому назад, она прошла орбиту Урана. Если остальные планеты не смогут увлечь ее в сферу своего притяжения, то путь к солнцу для “Новы” открыт. В таком случае «Нова» пересечет орбиту Сатурна 25 апреля, в 9 ч. 19 м., орбиту Юпитера в 18 ч. 21 м., орбиту Марса в полночи и орбиту Земли в ночь на

26-ое, в 2 ч. 0 м. 40 сек. Спустя 2 ч .4 м. 15 сек. после пересечения орбиты Земли “Нова” достигнет Солнца».

В конце этого сообщения, очевидно, по распоряжению правительства, объявлялось, что земле не угрожает никакой опасности. Встреча земли с кометами уже имела место не раз, — говорилось в сообщении, — и для паники нет решительно никаких оснований.

Крокер зло усмехнулся, вспомнив то впечатление, которое произвело вчера на него это «успокоительное» известие. Он должен был признаться самому себе, что эти слова испугали его значительно больше, чем доклад Джона Брэкета. Именно в ту минуту в голове Крокера возник план, который он привел в исполнение уже через несколько часов. Не дочитав газету, он выбежал из клуба, вскочил в свою машину и помчался домой...

По дороге он тщательно обдумал, какие именно припасы нужно ему закупить, чтобы пережить в пещере предстоящую катастрофу. Он утешал себя мыслью, что там, в недрах горы, его не достигнут смертоносные газы, которые охватят поверхность земли в момент пересечения ее орбиты проклятой кометой. Проезжая по улице Вильсона, Джерард увидел сотрудника вечерней газеты Шермана. Шерман, видимо, очень торопился. Крокер затормозил машину, окликнул его и предложил ему свои услуги. Журналист попросил отвезти его в обсерваторию. По дороге он рассказал Крокеру, что газеты, по распоряжению правительства, умолчали о том, что Земля окажется как раз на пути Новы и что размеры этого тела хотя и равняются приблизительно размерам Земли, но плотность его превышает плотность нашей планеты в 100 раз, иначе говоря, плотность Новы в 150 раз больше плотности воды. Молниеносное столкновение Земли с небесным телом, более плотным, чем платина, должно наступить через несколько часов.

Джерард, высадив Шермана перед обсерваторией, повернул к главной аптеке Руанок. Нервное оживление на улицах увеличивалось с каждой минутой. Когда Крокер подъехал к аптеке, там уже образовалась очередь. В очереди шумели, ругались и давили друг друга испуганные покупа-

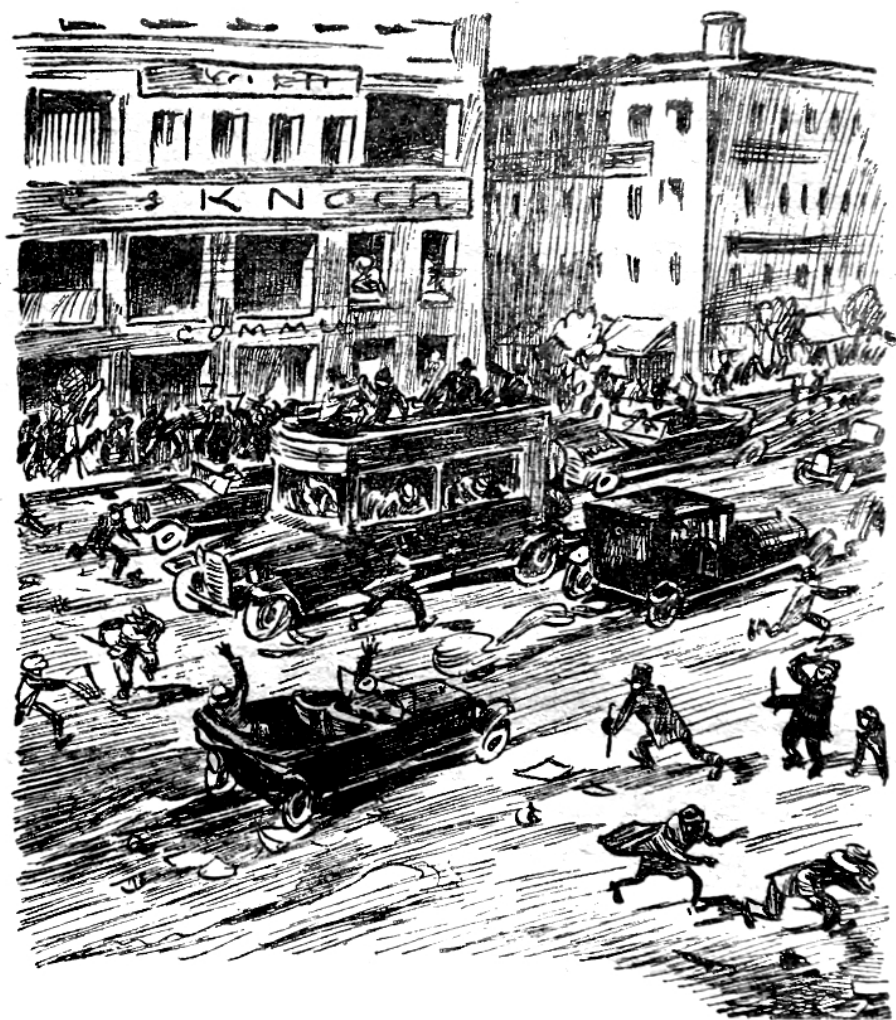
тели. Все они требовали как раз то, что нужно было и Джерарду, — сжатый кислород. Вместо 4-х баллонов ему продали поэтому только два и вместо 20-ти кило негашеной извести — только 10. Когда он обратился к приказчику, с улицы ворвался такой шум, что Джерард не мог разобрать ни одного слова из того, что ответил ему приказчик. Крокер почти вырвал покупку, сунул в карман сдачу и счетик и выскочил, наконец, на улицу. Он бросил баллоны на дно автомобиля, сел за руль и быстро отъехал. Улица была неузнаваема.

V

Какая-то безответственная бульварная газета, составлявшая собственность не менее беспринципного хозяина, в экстренном выпуске сообщала без всяких сокращений все те сведения, которые сообщил Крокеру журналист Шерман... В заголовке жирным шрифтом было напечатано: «Спасайся, кто может». Это известие, выпущенное в сотне тысяч экземпляров, упало точно искра в сухую солому. Каждый дом выбрасывал на улицу все большее и большее количество терроризованных людей. Улицы представляли собой кипящие котлы. В воздухе висели крики, вопли, ругань, угрозы. Объятая страхом толпа не знала, что предпринять, куда бежать, где искать спасения.

С большим трудом Джерард достиг, наконец, окраин города. Тут улицы были шире и дома реже. Богатые особняки, которые начинались сразу же за чертой города, смутно вырисовывались в темноте ночи. Перед некоторыми из них стояли кучки растерянно жестикулирующих и спорящих людей. У своего дома Крокер быстро выскочил из машины и бросился к подъезду.

Нельзя было терять ни минуты. Он быстро открыл дверь, вошел в переднюю и позвонил прислуге. Но дом был пуст. Вся прислуга уже разбежалась. Крокер бросился на кухню, собрал все, что было съестного, и перенес в машину.

Через 2-3 минуты он мчался со скоростью 100 километров по направлению к своей ферме. Скоро он достигнет пещеры и укроется в ней. Спасется... Крокер осмотрел еще раз дверь пещеры. Выкурил папиросу и хотел заснуть. Но заснуть не мог...

VI

Утро 25-го числа Крокер потратил на обеспечение своей безопасности. Он забаррикадировал дверь, перетащил в глубину пещеры все припасы и после этого заснул тяжелым сном смертельно уставшего человека. Когда Крокер проснулся и взглянул на часы, он не мог удержаться от возгласа удивления. Было уже 11 часов ночи. Еще 3 часа и потом...

Крокер растерянно посмотрел вокруг с тайной надеждой обнаружить среди сырых стен пещеры какую-нибудь незамеченную раньше расщелину, которая увела бы его еще дальше от поверхности земли... Потом с силой втянул в ноздри воздух, чтобы уловить в нем следы ядовитых газов. Но никакой примеси в воздухе еще не было. Может быть, он просто не замечает, его обоняние уже привыкло к постепенной перемене атмосферы... На всякий случай не мешает открыть кран баллона с кислородом. Крокер поднял стальной баллон. Он показался ему значительно легче, чем вчера. Восстановились ли его силы после сна или уже сказывается притяжение проклятой Новы? Крокер осторожно открыл кран. Странное, но приятное состояние постепенно овладело им. Он почувствовал, как к нему возвращается жажда жизни и пробуждается аппетит. Открыв коробку с бисквитами, он с удовольствием съел несколько штук. Бисквитная коробка из белой жести блестела, как зеркало. Джерард невольно взглянул на свое отражение и недоумевающе пожал плечами. Щеки горели и глаза возбужденно сверкали. Джерард решит, что это — результат слишком долгого сна. Но тут с ним произошло что-то странное. Мус-

кулы его лица напряглись настолько, что ему стало трудно глотать. Джерард еще раз взглянул на свое отражение. У него было такое лицо, точно он собирался сейчас рассмеяться... Но это невозможно. Для веселья было слишком мало оснований... И почти в ту же секунду Крокер услышал свой собственный смех... Прилив неудержимого смеха так не соответствовал ни его настроению, ни обстановке, в которой он находился, что Крокер подумал, что сходит с ума. Чтобы разубедить себя в этом, он взглянул на часы. Часы показывали 11 ч. 20 м., следовательно, до катастрофы еще около 2 с 1/2 часов. Глубина пещеры была недостаточна, чтобы его спасти, а он между тем хохочет...

У него мелькнула мысль, что это влияние кислорода. Он направился к баллону закрыть кран, но когда сделал первый шаг, почувствовал, что потерял способность управлять своими движениями. Он размахивал руками и подымал ноги гораздо выше, чем было нужно. Крокер хотел остановиться, но не мог... Теперь он не только смеялся, но танцевал... Мысль о том, что в этот последний час Земли преисполненное ужасом человечество принуждено помимо своей воли плясать и хохотать, леденила кровь. В этом была какая-то жуткая, непередаваемая насмешка... Но может быть, все ученые ошибаются и небесное тело несло с собой не смерть, а новую жизнь? Крокер чувствовал себя легким, сильным, полным энергии. Мрачные мысли покинули его. Он танцевал и смеялся, смеялся и танцевал.

Заныли ноги, тяжелее стало дышать, чаще забилося сердце, зашумело в ушах, а он все танцевал... Он продолжал жуткую пляску, а боль, невыносимая, раздиравшая каждый его нерв на тысячу кусков, все увеличивалась... Смех его перешел в крики, крики — в вопли. Он свалился на землю и забился в судорогах. Но сознание не покидало его ни на минуту. И в то время как вопли и смех продолжали разрывать его грудь, а все тело корчилося в страшных мучениях, он ждал приближения «Новы»...

Но почему она медлила? Как долго тянутся эти последние минуты! Он ждал смерть, как избавление. Он впился ногтями и зубами в пол пещеры. Его рот наполнился зем-

лею, из-под ногтей показалась кровь... Крокер закрыл глаза... Ощущение, что он проваливается, летит в пропасть бездны было последним чувством, которое дошло до его сознания...

VII

Дверь пещеры приоткрылась и в образовавшейся щели показалось смертельно-бледное и выпачканное в земле лицо. Вслед за головой медленно просунулось и тело. Джерард Крокер сделал первые робкие шаги по земле, лишенной, по-видимому, всякой органической жизни... Джерард сознавал, что он не спит, но полной уверенности в этом у него не было. Автомобиль, который он оставил у входа в пещеру, исчез. Может быть, «Нова» втянула его в сферу своего притяжения. Но в таком случае каким образом осталась на месте эта скамейка? Что произошло на Земле или с Землей? Столкновения с «Новой» во всяком случае не было... Джерард покачал головой. Было бесполезно утруждать себя догадками. Шатаясь от слабости, он медленно двинулся вперед. На противоположной стороне холма показался домик управляющего. Джерард направился к домику. Когда он подошел к окну, крик ужаса вырвался из его груди. Вся семья управляющего погибла. Они лежали в различных позах на полу... Не помня себя от ужаса, Джерард бросился прочь от окна и побежал к полустанку жел. дороги, проходившей на его земле. На этом полустанке был один-единственный служащий, старичок, которого Джерард знал уже много лет. Он тоже наверняка погиб! — подумал Крокер, подымаясь на пустынную платформу.

— Алло, мистер Крокер!

Джерард остановился, как вкопанный. В маленьком окошечке кассы — первое, что Джерард увидел, это была окруженная клубами дыма трубка. Потом трубка скрылась и вместо нее в отверстии появилось, наконец, лицо.

— Как, вы не умерли? — спросил Крокер, с трудом переводя дыхание.

— Нет, пока не собирался. Но в каком вы виде, мистер Крокер? Что случилось с вами? Вы упали, разбились?

Джерард ничего не понимал. Он протер глаза и подошел ближе к окошку.

— Неужели вы в самом деле живы и это не сон?
Старичок даже немного обиделся.

— Почему вы хотите, чтоб я обязательно был мертв?

— Но ведь все уже умерли!

Старичок сокрушенно покачал головою.

— Мистер Крокер, вы, наверное, нездоровы. Какое-нибудь нервное потрясение, наверное.

— Вы хотите сказать, что я сошел с ума? — быстро спросил Крокер, сам в душе не вполне уверенный в своем здравомыслии. Старичок еще раз, но более решительно покачал головой, и Крокер почувствовал необходимость объяснить свое поведение.

— Да, все умерли. Я сам собственными глазами видел только что семью управляющего. Они все...

— Спят, как и все остальные. Они свалились от усталости и пережитых волнений.

— Но почему на полу?

— В такие душные ночи только дураки и богатые люди спят на кроватях.

— Но что же в таком случае произошло?

— Ничего. Ровным счетом ничего! С неба сорвалась какая-то звезда и должна была разнести в пух и прах нашу планету, но по дороге Сатурн и Юпитер изменили ее направление. В газетах было сказано, что эта самая «Новая» попала, как говорится, «в сферу их притяжения». В течение 3-х дней, шел такой ливень, что я уже собирался запастись спасательным поясом. Такой грозы и ливня я за всю свою жизнь не видел. Кое-где были даже землетрясения и начались вулканические извержения. Вообще, м-р Крокер, я никогда не думал, что на земле может быть такой переполох... Магнитные бури, ураганы, циклоны, наводнения посыпались точно по заказу. Дошло до того, что фунт масла, который я взвешивал два дня тому назад на своем безмене, вдруг оказался на целую четверть легче...

Джерард, затаив дыхание, слушал старика. Машинально он засунул руку в карман своего пиджака. Под его пальцами зашуршала какая-то бумажка. Джерард вытащил ее и в то время, как старик продолжал говорить, он несколько раз пробежал ее глазами. Но только когда старик умолк, Джерард понял ее содержание. Это был счет, который ему выдали в аптеке вместе со сдачей.

Джерард хлопнул себя по лбу. Крик облегчения сорвался с его губ. Наконец-то он понял! — Предупредительный аптекарь вместе с кислородом продавал веселящий газ...

Через несколько часов Джерард был уже в городе. Дома все оказалось в полном порядке. Несколько телефонных разговоров быстро ввели его в курс прошедших событий. Все было именно так, как рассказал ему старик. Но кроме того он узнал еще одну новость. Его друг Джон Брэккет умер. Эта смерть вызвала всеобщее сочувствие. В бумагах покойного нашли заметки, законченные за 1/2 часа до роковой ссоры с Стефенсоном. В них были точно предсказаны все фазы этого космического явления. Сколько ужаса и неприятностей было бы избегнуто, если бы эти записки были своевременно опубликованы!

Ах, этот Стефенсон! Но еще более виновата была Глэдис. Крокер почувствовал, что не успокоится до тех пор, пока не выскажет ей прямо в лицо все, что он о ней думает. Когда на следующий же день Крокер с ней встретился, он так и сделал — объяснил ей все, что он о ней думает и думал прежде...

Впрочем, объяснение это закончилось вполне благополучно. Через 6 месяцев Глэдис стала мистрисс Крокер...

Надо сознаться, что для многих это было так же неожиданно, как и появление «Новы»... Сам Крокер, объясняя свой поступок друзьям, отделялся общими фразами: «Есть различные явления природы... Одни называются космическими катастрофами, другие — любовью. И то и другое часто непонятно».

Москва

Об авторах

Артуро Каротти – итальянский политический деятель, писатель, журналист. Родился в 1875 г. во Флоренции в семье мелкого фабриканта. Уже в юности проявил себя как активный приверженец социалистической идей, видный агитатор и организатор рабочего движения. С 1901 г. – сотрудник журнала *La Difesa*, который позднее редактировал. В 1904 г. был избран в городской совет Флоренции. В январе 1905 г. в связи с политическими преследованиями эмигрировал в США, где занимался организацией социалистических ячеек и профсоюзного движения, редактировал издание *Lotta di classe*. Был одним из создателей итальянской коммунистической партии, в 1913–1923 гг. – депутатом парламента от социалистов, позднее коммунистов. Впрочем, несмотря на свои левые взгляды, Каротти мечтал разбогатеть и время от времени пускался в малоудачные деловые начинания. По мнению итальянских биографов, его коммерческая деятельность в Германии и Австрии была связана с советскими интересами.

Как литератор, Каротти приобрел известность благодаря приключенческим и научно-фантастическим романам в традициях Ж. Верна и Э. Сальгари – «Баллон смерти» (1903), «Убийцы в желтом» (1904), «Завоевание дикой Америки» (1905) – а также ряду политических памфлетов.

В феврале 1923 г. сложил с себя обязанности депутата (прошение, однако, было отклонено парламентом), летом 1923 г. был исключен из коммунистической партии. В начале 1924 г. Каротти пере-

брался в Москву, где занимался вопросами советской импортно-экспортной торговли и продолжал литературную деятельность. Печатался в журналах «Вокруг света», «Молодая гвардия». В СССР были изданы его книги «Чикка в России» (1925), «Нини и Чикка против фашистов» (1927, 1930), «На солнечном острове» (1928); отдельными книжками выходили также агитационные рассказы. А. Каротти скончался в Москве в 1931 г.

Предлагаемый читателю роман «Наследство капитана Немо» впервые вышел в свет в 1904 г. Первый русский перевод был опубликован в 1908 г. в журн. «Природа и люди», в 1909 г. роман вышел отдельным изданием в изд-ве П. П. Сойкина. В 1925 г. роман был издан Госиздатом в пер. М. Гершензона; публикуется по этому изданию. Рассказ «Нова» был впервые напечатан в журн. «Вокруг света» (Л., 1929, № 11); публикуется по этому изданию.

Константин Константинович Случевский (1837-1904) – русский поэт, прозаик, переводчик, государственный чиновник. Учился в Первом кадетском корпусе, служил в Семеновском полку, затем в стрелковом Е.И.В. батальоне, поступил в Академию генштаба, но в 1861 г. оставил военную службу и уехал за границу. Учился в Париже и Берлине, в 1865 г. получил степень доктора философии в Гейдельберге. По возвращении в Россию служил в министерствах внутренних дел и государственных имуществ. С 1891 по 1902 г. редактировал газету «Правительственный вестник», состоял в совете Главного управления по делам печати и имел придворное звание гофмейстера.

Литературная деятельность Случевского началась в 1857 г. с публикацией ряда стихотворений и переводов; 1860-е годы отметились поэтическим молчанием, вызванным нападками враждебно настроенной критики. С конца 1870-х гг. Случевский активно публиковал стихотворения, поэмы и мистерии, собранные в 4-х кн. (1881-1890); выступал также с романами («От поцелуя к поцелую») повестями и рассказами, собранными в отдельных книгах и шеститомном собрании сочинений (1898). Написал ряд пьес, исторических брошюр и т.д.; путешествия по России в свите вел. кн. Владимира Александровича описаны Случевским в кн. «По северу России» (1888) и «По северо-западу России» (1897). Существенное место в творчестве Случевского, которого многие исследователи считают предшественником символизма, занимают исторические фантазии, фантастические и мистические темы.

Оглавление

А. Каротти. Наследство капитана Немо	5
К. Случевский. Капитан Немо в России	94
Приложение	
А. Каротти. Нова	118
Об авторах	135

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.